

СКАЗКИ ТЕМНЫХ ГОРОДОВ

→ 13-ТЫЙ ПОЛК ←

18+

Варвара Измерова

**Сказки Темных
Городов: 13-тый полк**

«Автор»

2026

Измерова В.

Сказки Темных Городов: 13-тый полк / В. Измерова — «Автор», 2026

Здесь собраны сказки из далеких земель, что путник назовет Междумирьем. Там свои устои, свои старые рассказы и истории о чудовищах, агнцах, ужасах человечества и прочих страхах, которыми наполнена земля двух миром. Золото столицы скрывает тьму, пострашнее земель любого злого волшебника. Это первый сборник рассказов о нескольких людях и нелюдях, которые сталкиваются со своими проблемами и страхами, которые не всегда получается побороть.

© Измерова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 1: Рыжий лес, овцы и пепел	5
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 2: Стадо человеческое	10
Цикл 1: овцы не смотрят на запад. Неделя 3: Цирк, овцы и агнец	15
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 4: Кости, земля и агнцы	19
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 5: День конечного начала	23
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 6: Отдай свои глаза! Отдай свою сердце, сестра!	28
Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 7: Янтарное солнце над изумрудным полем	32

Варвара Измерова

Сказки Темных Городов: 13-тый полк

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад.

Неделя 1: Рыжий лес, овцы и пепел

- Что-то стадо твоё совсем распоясалось, - спокойно говорит Старший, смотря на овец, которые спокойно пасутся на южной части поля, даже не смотря на западную часть, рядом с опушкой «Рыжего леса».

- Да, хрен знает, что с этим стадом. Уже ниделю к лесу не подходят. Да, ладно, жрут и жрут, черт подери, ни дохнут и слава Господу Богу, - разразился Борода, смотря на своих овец, держа в руках большую палку, с маленькими колокольчиками на верхнем конце.

- Да не просто, Борода. Не просто, - говорит Старший, приглаживая седую бороду, слегка вскидывая белые брови - Лес зовет. Сломалось там, что-то. Лишь бы черти не полезли. Пряха не говорит, что. Вот вчера Лист ушёл в лес, да все ещё не вернулся. Черт знает, что там. Дьявол ли, ересь ещё какая-либо. А овцы все чувствую. Все понимаю, Борода. Все понимают.

Борода лишь чешет нос, вставляя сигарету в рот, которую достал за ухом, а после смотрит на Старшего. Тот лишь усмехается, снова смотря на стадо, а после на лес, который медленно шипит вдалеке. Старик тяжело выдыхает, поправляя шапку на голову, наблюдая, как борода пытается прикурить от чиркало. Искра все никак не выходит, но через мучения, все же из носа выходит дым. Мужчина выдыхает его с видом победителя, отставляя палку и садясь на забор.

- Сын приезжает, вместе с новой бабищей. На этот раз у него все серьёзно. Завтра, как раз приедет на поезде - говорит Борода вместе с дымом.

- На этой машине дьявола? У-у-у-у, друг. Я бы по старинке. На лошадь и погнал.

- В городе прогрессь. Мир катится к черту, Старший, - сетовал Борода, снова затягиваясь сигаретой, а после смотря на стадо. Овцы мирно паслись на лугу, пощипывая траву. Когда с запада дул ветер, они замирали, поднимая голову и закрывая глаза. Они чувствовали, как со стороны надвигалась туча. Дождь собирался медленно, но к ночи должна была начаться гроза.

Маленький барашек, лежал рядом с матерью, когда порывы ветра в очередной раз колышет шёрстку и ушки, поворачивается в сторону леса, от чего мать громко начинает кричать, пихая ребенка в бок, что бы он сразу отвернулся. Лес уже какой год, стоял консервой. Некая сила не даёт, ему «умереть» окончательно. Сила, которую чувствовали овцы. Барашек топчется на месте, а после бодает мать, снова поворачиваясь в сторону леса. Он громко кричит и срывается с места, пока не падает на колени, сильно жмурясь от страха и так же блея. Мать поднимается, смотря в землю, поворачивается и берет сына за загривок, оттаскивая его от проклятого леса. Стадо лишь пятятся назад, закрывая своими телами вид и образуя круг. Борода замечает это странное поведение под конец действия, срываясь с места. Он расталкивает овец в стороны, кидая окурки в траву. Черный барашка мотает головой, кричит. Ноги подкашиваются, когда Борода поднимает его с земли. Чёрный обмякает в грубых руках. Шерсть начинает осыпаться, а маленькое тельце становится пеплом. Мать барашка, смотрит на Бороду, который испуганно поворачивается к Старшему, сжимая пальцы в кулаки. Старший стоит неподвижно, лишь приглаживая бороду. Он поворачивает голову в сторону «Рыжего леса». Старик отрицательно машет головой, складывая руки за спиной. Стадо Бороды начинает громко блеять, прижимаясь друг к другу, все так же держа круг, вместе с овцой, по щекам котором текут слезы.

Огромный стол, на котором были раскиданы карты, фантики от конфет и пара кубиков сахара. На столе сидел парнишка. Рыжий, лицо опалено веснушками, короткая причёска.

Красная рубашка в дурацкую клетку, штаны держащиеся на божьем слове и старом потёртом шнурке.

- Бито, Кутя! - Крикнул парень, кидая карту перед парнем, который сидел на лавке за столом. Выглядел он росло, уже полезли усы, которые он сбрасывал отцовским ножичком. Голова была лысый, а вот морда, как говорят люди, кирпичом. Кутя смотрит в карты, а после на Рыжего, поднимается во весь свой рост. Он был скорее, длинный, чем высокий, словно парня растянули на тисках, решив превратить в верёвку на ножках. Он вскидывает голову, опираясь рука на стол и все равно остаётся намного выше Рыжего. Парень же поднимается и начинает плясать на столе, громко гогоча:

- Бито! Бито, Кутя! Бито! Бито! Бито! - он смеётся и падает со стола, в кусты, которые находились рядом со столом.

- Мухлюешь! - выдаёт Кутя низким басом, который для его вида ему даже не свойственен

- Мухлю-ю-юешь! - начинает реветь детина, смотря на своего товарища.

- Да, ты играть не умеешь! - говорит громко третий парнишка, жуя во рту листья и выплёвывая их часть в стеклянную литровую банку, на половину наполненную дурно пахнущим спиртом или чем-то подобным. Рыжий поднимается и подсаживается к парню с банкой, беря у него из толстой руки часть листьев и тоже начиная жевать.

- Во-во! А ещё собрался с нами делать жовку! - говорит паренёк - Вот, я и Щуплый, готовы на риски. А ты? Ты же чуть, что так ноешь, Кутя!

Щуплый, чья кличка расходилась с его видом, в принципе, лишь затряс головой, от чего лощённые огромные щеки, затрелись, словно у баскервиля. Мальчик - шарик с банкой непонятного нечто, неожиданно поднялся, убрав банку в сторону, смотря за тем, как во дворе появляется парень лет двадцати шести вместе с девушкой плюс - минус такового же возраста. Парочка словно сошла с военной картины и кажется не обращали внимания, что двор был, мягко говоря, разрушенным, без мягкости, он был по уши в дерьме и больше походил на жалкую тень нормального двора. Покареженные качели с покрышкой, вместо сидухи, к тому же качаться на ней, всегда большой риск, ибо местные синюшники могли опорожнить туда свой желудок или чего хуже. Какая-то потёртая ракета, где давеча повесился один из домочадцев то ли от дурости, то ли от горя. Горка с дыркой прямо по середине и в конце, где лежат остатки угли. Она больше мангал для шашлыка, чем детская лазилка. Девушка неожиданно останавливается, возле стола, где сидели мальчишки. Кутя вытирает сопли рукавом, Рыжий перестаёт жевать, а Щуплый. Щуплый лишь расплывается в улыбке, выплёвывая в банку очередную порцию листьев и выдаёт бессовестное.

- Ля! Красивая щелка! Ты баба, чо надо!

«Баба, что надо» неожиданно меняется в миловидном лице, как и мужчина, который стоял за ней. Он высокий, подкаченный с шапкой на бекрень, медленно закатывает рукава. Рабочие руки, в мозолях, привыкшие держать поводья и шашку, которая весела на поясе, заходят за голову молодому человеку и со всей дури прописывают Щуплому такой оплеух, что жирный впечатывается в стол, оставаясь с картой туза на лбу.

- Извинись, - Мужчина расплавляет плечи, складывая руки на груди, гордо вскидывая голову - Извинись, порось, перед дамой!

- простите! Простите! Я не думал! - заверещал Щуплый, точно поросёнок в хлеву перед которым стоит хозяйка с ножом и яблоком - я не подумал!

- А ты вообще не думаешь, Щуплый! Ты чо?! Не видишь!? - Засверстел Кутя перейдя с баса на писк - Это же Кот! Кот приехал! Брат мой приехал! - Длинный стал прыгать вокруг парня с девушкой, которая теперь стояла рядом с мужчиной, не понимая, что вообще происходит вокруг.

- Не сверести! - Рассмеялся Кот, снова приглаживая чёрные, как нефть усы - Отец дома? Я невесту привел, на знакомство! Свадьбу играть тут будем! У меня отгульные на месяца два! За хорошую службу!

- А барышню то звати, как? У вас кличка, али словцо какое-то? - Заговорил Рыжий с прищуром, пожёвывая очередной листок и снимая карту от лба Щуплого. Девушка лишь усмехается, поправляя красное пальто с эмблемой инквизиторского полка на плече. Белые, даже седые волосы, аккуратно падали на плечи, слегка завиваясь от корней и до кончиков. Лицо её было холодным, худощавым, каким-то острым и неправильным, а глаза. Глаза выдавали огонь и лёгкую ноту безумия, которая была чертой всех инквизиторских и такая же черта была и в Коте, только вот Кот по своей котовей привычке умудрялся её прятать в глубине зелёных глаз, а глаза барышни - яркие, медовые, совсем не пытались прятать весь внутренний мир. Глаза, что пугали тех, кто поднимал меч, против их носителя и манили тех, кто шёл с миром. Девушка была бледна, даже болезненно бледна. По шее шёл шрам, который заканчивался на части подбородка. Для подобных ей и Коту, это было наоборот, даже престижно.

- Фальката. Фалька, проще - говорит девушка гордо вскидывая седую голову, словно сдерживая порыв, что бы отдать честь - Тринадцатый рыцарь - офицер Инквизиторского полка его величества.

Кот усмехается, смотря за тем, как у пацанов на лавке загорелись глаза, от восхищения. Сам он был из того же теста, но относился к конной дивизии и что удивительно, был под командованием Фальки, пока их двои не отправили в «отпуска».

- Батяка и мамка, дома? Матя! Мааатя! - кричит Кот со двора, от чего некоторые особо слышащие повыглядывали из окон домища. Взгляды цеплялись к парочке, почти из каждого окна. Фалька заводит руки под плащ, невольно щёлкая каблучками ботинок, выпрямясь по выправке и смотря на дом. Где-то гербами развевались простыни в цветочек. Чьи-то трусы гордо трепал ветер, словно флаг на стяге, даже можно было разглядеть пару бюстгалтеров много иксеншного размера. Одиноким десятиэтажный замок, среди полей с лесом на западной стороне. Фалька слегка цокнула, опустив глаза от разглядывания местных бельевых флагов на верёвочных стягах, тяжело выдохнув и проведя рукой по лицу в попытки забыть увиденное, только вот «Замок» никуда не исчез. Все тот же разбитый двор, вся так же шашлычная горка, потрепанный подъезд с разбитыми ступеньками, пара гаражей, которые по большей части выполняли задачу хлевов и сараев.

- Там, Мамка ушла на рынок, будет только после завтра, - Сказал Кутя, толкнув брата в плечо - Батя в поле.

Только он упомянул отца семейства, как мужчина весь бледный и с пеплом на руках, медленно шёл к дому, держа белую барашку, которая рассыпалась в этот самый пепел. Кот испуганно посмотрел на Бороду, а Фалька, вышла в перед, слегка отодвинув полы плаща, под которым появилась рукоять меча, весевшая на поясе. Борода упал на колени, перед сыном, держа в руках остатки овцы, а после поднял руки к сыну. Глаза мужчины были испуганны. Кот не понимал, что происходит, сев перед мужчиной, который лишь прижимал его к себе, громко крича в плечо.

- Старший... Там в поле! Овцы... Мать и младший твой! Овцы! Они, - говорил надрывисто Борода, смотря на Кота. Фалька положила руку на плечо мужчины. Они переглянулись, мысленно обсудив что-то между собой.

- Где находится это поле? - Строго спросила девушка, повернувшись к пацанам, которые сорвались с места, указывая на дорогу. Щуплый перестал жевать листья, выронив банку в которую плевал, пытаясь догнать Рыжего с Кутей и Фалькой, которые бежали к полю.

- Птицы, птицы собираться у гнёзд, - Пробормотала Фалька, сидя на корточках перед пеплом и телом Старшего, который лежал лицом в землю. Девушка достаёт из кармана перчатки, надевая их и переворачивает тело старика, тяжело выдыхая с подобием рыка. В нос

ударил сильный замах, похожий на смесь серы и болота, от чего глаза заслезились. Некоторые овцы шли по дороге к «Замку» опустив головы в землю, даже не смотря в сторону леса. Фалька закусывает нижнюю губу, неожиданно дергаясь от девочки, которая сидела на заборе болтая ногами.

- Я знаю этот заговор! - Девочка улыбается, наклоня голову на бок.

- Откуда? - Фалька смотрит на ребенка с легким непониманием.

- Знаю и все. А ещё знаю, что тут произошло!

- Что же?

- Все я тебе и сказала! - Рассмелаясь девочка спрыгивая с забора и обегая Фальку. Девушка поворачивается вокруг своей оси и уже вместе девочки, стоит женщина. Молодая, с косой до земли. Платье с фартуком, слегка порванные рукава и ожерелье из костей разных птиц. Женщина тихо смеётся, смотря на Старшего.

- Противный был. Ему все равно два понидельника оставалось.

- Ты его убила? - Фалька снова садится на корточки, рассматривая увечья бедного Старшего.

- Нет, - Девушка слегка смущается - Даже, если бы это сделала я, то не при появлении, кого-то из инквизиции. Вы же бешенные. Даже на поезде катаетесь - Можешь звать меня Ветошь. Я тут что-то вроде врачивателя. Живу на опушке леса. Как только услышала крики овец, так сразу пришла, узнать, что происходит.

- То есть есть?

- Лес снова бушует. Это видят овцы и никто больше, что непонятного? Забавно правда?

- Она снова улыбается обходя Фальку, снова меняясь в лице и выглядев уже, как старая женщина, скрученная от времени - Жених идёт, - говорит она, поворачиваясь к дороге, где идёт Кот, вместе с Рыжим и Кутей. Неожиданно, они застывают на месте. Фалька смотрит на листок дерева и птиц, которые так же замерли в воздухе. Она удивлённо смотрит на Ветошь, которая лишь складывает руки на груди, наклонив голову.

- Это не последняя смерть, рыцарь. Не последняя. Лес хочет крови. Земля хочет крови. Ты же понимаешь, что узнают о том, что происходит, ни тебе, ни местным «Замка», спокойно не жить. Птицы собираются у гнезда. Вороны плетут заговоры.

- Зачем тебе это? Что ты хочешь от меня? Что бы я остановила все? Ценой чего?

- Ценой твоей души? Шучу, не напрягайся. Я могу помочь тебе, узнать, что происходит, но ты дашь мне в замен, то что, я попрошу в скором или дальнем будущем.

- Что это может быть? - Фалька вскидывает голову.

- М-м-м-м, - Ветошь, складывает руки на груди, ловя бабочку, растирая её в руках - То, что мне нужно будет. Это место живое. Лес просыпается и он голоден. Я прошу тебя, ибо знаю, кто ты. Я прошу тебя, ибо зная, на что ты способно. Я скажу тебе, когда придет время, что мне будет нужно. Это может быть маленькая просьба, а может быть и нечто большее - Она протягивает Фальке руку, смотря на девушку, которая снимает перчатку и вытягивает руку в сторону Ветоши. Старуха улыбается и дует пыль в лицо Фальке, от чего девушка закашливается и падает на землю, начиная задыхаться. Боль в горле сжимает все внутри, не давая делать вдох. Инквизитор падает на колено, держась рукой за горло, в глазах все плывёт. Ветошь садится на корточки, смотря на девушку.

- Я дам первую подсказку. Овцы не смотрят на запад, но не каждая овечья шкура - овца, - говорит ведьма, улыбаясь и исчезая.

Кот подбегает с Фальке быстро, ловя её в метре от земли. Девушка выплёвывает бабочку, которая выпархивает на верх. Кот непонимающе смотрит на свою невесту, которая стоит на коленях, ловя ртом воздух.

- Не берём в голову, - Фалька отмахивается, тяжело выдыхая и снова выпрямляясь.

- Допустим, - Спокойно, сказал он, - Но...

- Не берём. В голову, - Она выпрямилась, опираясь на его руки - Нужно сгрузить его в подвал или в что-то около того. Все это до ужаса странно. Как?

- Мой отец? Он в порядке. Старуха приглядывает за ними. Мама и сестра пропали, или отец не может сказать, что с ними.

Фалька слегка хмыкает, смотря под ноги, а затем на бедного Старшего, возле которого уже трутся три хулига, пытаясь рассмотреть все увечия. Кот лишь издает звук, напоминающий что-то между "ля" и "кыш", от чего троих здувает ветром к забору.

- Погоди, - Сказала девушка, садясь на корточки, одевая перчатку на руку, замечая на запястье, словно вызженую надпись - "Долг", от чего лицо слегка кривится, но после снова возвращается в норму. Она разжимает руку Старшего, в которой лежит кусок ткани с кровавыми пятнами и шерстью овцы черного цвета с вышитой гладью чайкой. Кот смотрит на Фальку, а затем на тряпочку в ее руках, бледнея на тон.

- Это вышивка была на платье Ласточки... Моя младшая сестра.

Фалька поворачивается в сторону леса, замечая образ ветоши, которая растворяется в стволах деревьев. Рыжий лес гудит, а на поле неожиданно падает тишина, оглушая до одури и ужаса. Тишина, в которой можно захлебнуться. Тишина, в которой гудит полуметровый лес. Лес, который голоден. Лес, который просыпается. Ужас, который постепенно покрывает «Замок» с его флагами из тусов. Кошмар, который скоро выйдет на опушку, не давая даже капли сил для вдоха.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 2: Стадо человеческое

Часы отсчитывают не время, а те маленькие минуты — остаток время. Часы противно тикают, загоняя каждое «тик-так, тик-так, тик-так» под кожу. Чертовски тихо. Тишина была тяжёлой или гнетущей, на деле же она была плотной, хоть нарежь её на кубики, и в этой тишине отбивался ритм: «Тик. Так. Тик. Так. Тик. Так». Фалька сидела на полу в чёрном резиновом фартуке поверх белой рубахи и в таких же перчатках. На столе под простынёй с весёлыми божьими коровками лежал Старший. Голова Инквизитора опиралась на руку, локоть стоял на правом колене. Кот заходит в комнату, опускается рядом с Фалькой.

— Нужно сообщить в контору, — хрипло говорит девушка, не меняя позы, — Либо...

— Билетёр сказал, что такое было лет двадцать назад и что именно Старший знал тайну леса и почему всё это начало происходить.

— Нет, это всё не вяжется, — перебивает Фалька, снимая перчатки, держа ладони параллельно, — Как человек, знающий о беде, может не знать о том, что? — Она осикается, — Дурацкая ситуация. Надеюсь на отдых. Нет, если сообщим конторе, поступит приказ об изучении или уничтожении. Овцы что-то чувствуют. Овцы, овцы. Шерсть. В руках у деда была шерсть.

— Кусок ткани с шерстью. И у Старшего. Ему всё же было лет под двести, поэтому, прояви уважение — сказал Кот, словно это было чем-то обычным.

— Чего? — Фалька слегка привстаёт с пола.

— Ну, ему было сто сорок три, вроде бы. Места тут такие, — Кот складывает руки в замок.

— Не говори мне о таких местах, Кот. Твой Старший — человек? — строго и холодно говорит Фалька, указывая на старика, — Если.

— Он такой же, как ты, — говорит Кот так же холодно, даже с неким отвращением, — Почти, вернее.

Фалька проводит рукой по лицу, поворачиваясь к старому окну, которое уже потемнело от старости. Она окидывает взглядом кухню, как будто бы впервые замечает интерьер. Подоконник, под которым она сидела, заставлен рассадой, табуретки отодвинуты и составлены для места под инструменты, сам стол, который был и будет обеденным. Протрут и вечером сядут ужинать. Раковина за её спиной с вековым налётом. Девушка лезет в карман штанов, поворачиваясь ко второму окну с засаленными белыми шторами и стеклом, как будто бы в слое жира, но всё ещё пропускающим свет. Девушка достаёт белый запечатанный пакет, открывает его и, опрокинув голову, закидывает содержимое, складываясь пополам, держась за обе стороны от раковины. В ушах стал раздаваться звон, а горло снова пробил кашель, от чего тело сложилось ещё в два раза. Кот поднялся с места, но Фалька лишь выставила руку, чтобы он не подходил. Она выпрямляется, хватая ртом воздух и смотря на Кота с лёгким гневом. Он же отрицательно качает головой, отражая взгляд Фальки.

— Почему ты не сказал? — спрашивает она сквозь зубы.

— Потому что это не имеет значения! — так же сквозь зубы отвечает Кот. Взгляды двоих вспыхнули в моменте, отражая Фальку.

— Сейчас всё имеет значение, — холодно говорит девушка, — Ч... — осекается, — погиб гражданский, который...

— Который что? Фалька, перестань, — Кот хмурится, — Я попробую связаться с Матерью и Чайкой. Надеюсь, они в порядке и Чайка просто порвала платье! Или это тряпка от старого платья! — Он смотрит на девушку.

— Если нет? — Она смотрит на Кота, который поворачивается к ней спиной, — Если...
— Без если! — кричит Кот, смотря на неё через плечо, — Без если!

Крик этих двоих был слышен в зале, где на диване лежал Борода. Кутя поднялся с кресла и начал ходить из стороны в сторону. Щуплый жевал пирожки с ливером, а Рыжий стоял возле двери, пытаясь услышать разговор на кухне.

— Ничего не слышу, — говорит он, — Вернее, слышу, но не понимаю. Сцепились, как две собаки. Причём стоят такие. Одинаковые. Я как-то книгу взял у Сопли, так там так же ругались, а потом, пое. — он смотрит на Бороду, — Полюбились.

Щуплый не успевает открыть рот, как раздаётся громкий звук удара, словно кто-то со всей дури шлёпнул кусок мяса. В морду Рыжему прилетает дверь. Фалька скидывает фартук и кидает его на пол, заходя в ванную и закрывая за собой дверь. Кот выбегает за ней, но спотыкается о Рыжего, падая на пол, держась за щеку, на которой розовеет отпечаток от руки Фальки.

— Бой-баба, — выдаёт Кутя, смотря за тем, как брат поднимается.

— Завались, — выдаёт Кот, отряхиваясь и приглаживая усы, — Дура! Полная дура!

— Закрой рот! — раздаётся голос из-за двери. Кот останавливается возле двери, опираясь лбом о дверь, а после садится на диван к Бороде.

— Пап? — он кладёт руку на плечо мужчины, — Скажи хоть что-либо.

Мужчина поворачивается к Коту, смотря ему в глаза.

— Беее... Бееее, — тянет он, пытаясь что-то сказать, но не выходит. Мужчина замолкает, закрывая глаза, сдерживаясь от истерики.

Фалька стоит в ванной, рассматривая себя перед зеркалом, сжимая левую руку в кулаке. Она включает воду, медленно разжимая пальцы. На ладони отпечаток от бабочки, которая, видимо, вылетела при кашле. Она вымывает руки и смотрит на своё отражение. Зеркало неожиданно потеет от воды. Фалька протирает его рукой и отшатывается, так как в отражении вместо своего лица находится Ветошь.

— Не выходит?

— Что?

— Ну как что? Не выходит. Ты с обратной стороны леса зайди. Там деревушка «Пустошь», вот в ней, может быть, найдёшь ответ.

— Зачем ты мне помогаешь? — холодно спрашивает Фалька.

— Потому что хочу? — старуха смеётся, — Потому что Старший, мудак этакий, навлёк беду намного больше, чем думал. Я помогала ему, а он — хоп — и предал. Поступил, как свинья. Ты из другого теста. Твоя беда для тебя не проклятье, а дар. Чары не помогают, а убивают? Сколько ещё будешь глотать порошок? Даю тебе избавление от боли через избавление, а ты потом просто дашь маленькую услугу. Когда-то в будущем. Настоящие моя просьба не затронет.

— Ну приеду я в эту деревню. Что там будем?

— Спроси Пса. Или Овчара. Увидишь их — поймёшь, — Ветошь растворяется в зеркале. Фалька стоит без движения пару секунд, а после умывается, рассматривая своё лицо. Отпечаток усталости и непонимание, что делать и как двигаться дальше, внутренняя боль, которая не даёт покоя, нашла отражение на лице Фальки. Боль, которая не даёт покоя уже многие годы.

— Часа четыре верхом. Там вот на лево, до клей — камня на опушке. Большие три глыбы, похожи на пальцы из далека, — Кот говорит с переживанием, держа Фальку за руку — Вот там «Пустошь», за ней «Кочерга». Она похожа на «Замок», но там трехэтажка. В «Пустоше», тоже есть, но пятиэтажки и она не достроена или разрушена, я не помню. В общем, там где-то должно быть почтовое отделение. Писец доставить его до Столицы за дня четыре — пять, а распоряжение уже напрямую к нам.

— А «молния»? — Фалька вскидывает бровь, смотря на Кота.

— Если есть голосовик и он работает, — Говорит Кот, целуя руку невесты — Только осторожней. Если что, посылай весточку. Я приеду, как только кинешь ее, — он отпускает девушку, смотря за тем, как ловко она садится на коня, беря поводья — Осторожней. Прошу тебя. Земля тут.

— Живая. Я чувствую, — Спокойно говорит Фалька, смотря на будущего мужа, с лёгкой грустью, наклоняясь к Коту. Он усмехается, целуя девушку, встав на табуретку, которая, как раз стояла рядом, срывая шапку с головы, как только Фалька отстраняется от Кота и громко крича.

— Во имя Короля! Ave!

— Во имя вечности! Ave! — Крикнула Фалька уже на дороге, ударив себя по груди и отдав честь Коту.

— Ave, мой командир! — Кот повторил ее жест, встав по выправке, хлопнув каблуками сопог.

Фалька не сказала Коту о разговоре с Ветошью, выкрутив все, что все же нужно доложить о проешиствии в командование, что бы, хотя бы, прислали кого-то из армейского комитета по делам гражданских (АКДГ), или хотя бы инквизитора из городского комитета для расследования. Конечно, никакого бы письма не было, ибо рисков было бы больше и проблем бы местные хлебнули из огромного ковша полного помоев.

Дорога вела по полям, которые казались бесконечными с одной стороны, в по другую стеной стоял Рыжий лес. Лошадь остановилась, когда до деревьев было рукой подать. Что-то было манящее в этом лесу. Что-то родное. Что-то такое, что теплилось в груди. Может быть, он был отражением внутреннего состояния? А может и отражением самой Фальки. Вот течет небольшой ручей, в падая в ямку, словно шрам по плечу, вот рыжие листья, почти, что седой волос, а сама чаща такая же яркая и погущая, как золото инквизиторских глаз. Такое же яркое и жуткое. Фалька трусит головой, снова продолжая путь, накинув капюшон, что бы скрыться от мелкого дождя, который начинал усиливается.

До «Пустоши» удалось добраться к вечеру. Рыжий солнечный диск постепенно уходил в степное море, иногда отражаясь в дожде, который не прекращался. Клей — камень, напоминающий пальцы, стоял у входа в «Пустошь», как условный знак «Добро пожаловать», без добро и огромной припеской: «Вам рады, но не искрени». Трёх этажный дом, находился позади кучки маленьких домиков. Заброшенный, недостроенный, забытый монумент «Хорошей жизни». Статуя человеческой беспомощности и не желания, что-то менять или меняться.

Что удивительно «Пустошь» была ещё тем людным местом. Рынок гудел от людей. Ото-всюду раздавался смех детей, блеење овец, мычание, хрюканье, пьяные разговоры, стоны, вслебы.

Небольшое заведение, что-то между трактиром и сараем. Люди вообще не обращали внимания, занимаясь играми в засаленные карты. Обшарпанные стены, пойло с запахом бедности и горечи, а на вкус ещё та дрянь, словно облизываешь деда, который покрыт плесенью и бензином. Фалька сливалась с этим окружением, не смотря на свою инквизиторскую форму и вообще внешний вид. В кружке томилось то, что называлось вином, на деле ягоды в спирте, слегка раздавленные для вида. Еду заказывать не хотелось, ибо слечь с отвращением такая себе идея, хотя местные смурфы наслаждались капустой, среди которой проступал налет, скишими огурцами, синюшной курицей и одним на пятерых бараньем копытом, которое обсасывали по кругу. К горлу начинала подступать тошнота. Фалька достала кошелек из внутреннего кармана. Потёртый, с порезами и следами от сигарет. Она поднялась и положила купюру на стол. Она подходит к бармену, не убирая кошелек в карман. Вот тут, некоторые и обратили внимание на девицу с белой головой. Бармен вскинул бровь, которая больше походила на пушистую гусиницу, чем на нормальные брови, смотря за тем, как тонкие пальцы, медленно достают

две бумажки и кладут на стойку. Большая рука с пальцами, как боварска колбаса, забирает бумажки и прячет под стойку. Большое лицо вытягивается у дугу, слегка наклоняясь к Фальке.

— И чевось?

— Мне нужен Пёс или Овчар. Знаете, где искать? — Голос Фальки звучит тихо, почти спокойно с какой-то хрипотцой на задних нотах.

— В конце деревне. Дом. Рядом с домом найдешь их двоих, — Сказал мужик, с усмешкой — Зачем тебе они?

— Дело к ним есть.

— Дело не дело, но ты осторожнее. Они оба судьи человеческие. Нелюди. Эти как их, — он щелкает пальцами, или пытается щёлкнуть, что со стороны выглядит, как проглаживание — Ух.. ? Ахм... Мясники, по нашему, по человечесь.

— Ухэры? Луунууд? — спросила Фалька, складывая руки на груди.

— П**ры недоделанные — Выдал мужик за столом, обсасывая баранью кость — Стадо у них тридцать голов, а мясом и шерстью не делятся. Причем овцы, все пополняются и пополняются. Одну зарубят, неожиданная новая стоит в стаде и такая красивая. Недавно, вот из соседней деревни Борода выкупил мать с ребенком. Такие красивые. Что овца, что овечья дочь! — Рассмеялся он беззубым ртом. Фалька лишь нахмурилась, снова накинув капюшон и повернувшись на каблуках, надев перчатку на руку, что бы открыть ручку дверь, которая была вся в жиру и соплял и чем-то ещё похуже и трогать это не хотелось, от слова совсем, особенно с учётом, того, что минуту назад ручку трогали смачно выскоморкавшись перед этим в ладонь.

Дом стоял среди поля, с желтыми ставнями и потёртой от времени крышей. Небольшой, деревянный. Рядом огородик, чуть подальше забор, где паслось стадо, овец тридцать или даже больше. Фалька идет мимо забора, когда взгляд цепляется за страшного барана, который пристально смотрит на нее. Глаза у животного были наполнены ужасом и болью, которая встречается у людей, но ни как ни у животных. Осознанность и человечность затвердела камнем где-то внутри существа, от чего, даже у Фальки, которая видела ужас войны пробежали мурашки. Девушка стоит пару секунд, пока из сарая не раздаётся громкий крик, похожий на человеческий. Из двери выходит высокий мужчина, держа на плече овцу, которая связана по передним и задним копытам. Высокий, огромный шкаф два на два, остановился, перед Фалькой, сильно нахмутив брови. Жёлтые глаза с щелкой, которая выдавала в нем нелюдя, внимательно смотрели на незваного гостя. Чешуя шла по правой части лица, словно шрам от языка огня. Он поставил овцу, начав развязывать путы.

— Я ищу Пса и Овчара, — Наконец нарушила тишину Фалька.

— Вон там две могилы возле дома. Там их и найдешь, — Басом говорит мужчина.

— А кто тогда ты?

— Одни кличут Пастухом, другие Судьей, — Говорит он, не смотря на Фальку — А ты кем будешь?

— Фальката. Инквитор, — девушка выпрямляется. Мужчина отпускает овцу к стаду, которая убегает в дальний угол пастбища.

— Я спрашиваю, кем ты будешь? Я Луунууд, последний из своего рода в этих местах. Мой отец, тот кого звали Псом, умер вместе с братом, от рук местной падали. Ты не они. Запах у тебя другой.

— В «Замке» позавчера умер Старший, кажется его звали. Один человек сказал, что мне могут помочь Пёс и Овчар, значит, если ты сын Пса, можешь мне помочь, — Спокойно говорила Фалька.

— Нет, — Судья выпрямляется — Я не помогаю тем, кто родился в земле и в особенностях, тем кто является смертью.

— Я человек. А во вторых, если я буду действовать по детективе ни земли, ни леса, ни твоего стада не останется.

— Нет! — Снова крикнул мужчина, так что овцы прижались друг к другу — Я судья этого места и если Старший умер, значит, так хотел лес! Значит, так было нужно! Значит, Господин забрал долги, которые весели у него на сердце! Он был грешен! Он не захотел очиститься и не был в списках для очищенных!

— Очистится? — Фалька непонимающе посмотрел на мужчину, который пошел в сторону сарая, держа путы в руках. Девушка побежала за ним, пытаясь поймать и вернуться к разговору.

Пастух хмыкнул, зайдя в сарай. На земле были следы крови и мужская одежда. На крюках весело мясо, а в центре стоял стол с крепижами для человеческих рук и ног. На земле, под саломой были руны и тавро. Фалька положила руку на рукоять своей сабли. Глаза наполнились отвращением к Судье. Он повернулся, как-то по драконьему рыкнув, закатав рукова, которые были все в рунах и тавро. По рукам к плечам и дальше, так же шла чешуя, которая показывала, всю натуру нелюдя. Удар Фальки был быстрый. Резкий, но не достаточно сильный. Судья взял девушку за горло, протянув к ней руку. За дверью раздался громкий хлопок. Фалька вышла из сарая, держа за запястье из под которого шел дым. Маленький магический пистолет, который привыстреле оставляет ожог, но даёт шанс на выживание в подобной ситуации. За ее спиной лежало тело судьи, а во второй руке у девушки был ключ от дома «Дракона», в котором можно было найти ответ на вопросы, благо все было в кабинете. Девушка вышла на крыльцо, что бы переварить найденные дневники, папки с делами «осуждённых» и старой, потёртой книгой, где расписывалось наказание за каждый проступок, включая и обращение в другое существо. Фалька закрывает лицо руками, а когда убирает ладони, видит перед собой толпу людей. Человек пятнадцать, может больше. Маленький мальчик выходит вперёд, протягивая ей небольшой пучок шерсти овцы, а после уходит вместе с другими людьми куда-то в глубь степи. Стадо рядом с домом больше не было, а в руках девушка держала письмо с кулом Матери Кота и последним ее прощальным письмом и ключом от кладовой. Девушка поднимается и идёт в сторону сарая, открывая кладовую внутри, где на вешалке было красное платье с вышитыми гладья чайками и оторванным от него куском, а так же дневник судьи. Маленький артефакт, который должен был дать ответ, но сил на его получение организм переварить не мог. Не сейчас. Не одной.

Цикл 1: овцы не смотрят на запад.

Неделя 3: Цирк, овцы и агнец

За дверью раздаётся громкое рыдание Бороды. Соседнюю комнату наполняет мрак и дым от сигарет. Пепельница молила о том, чтобы её выкинули, но никто не двигался. Фалька сидела на полу, сложив ноги, рассматривая каждый лист «осуждённых», читая дневник Судьи и те документы, которые нашла в доме. От общей стопки слева от неё лежало два досье. Одно было посвящено Чайке, младшей сестре Кота, а второе — его матери.

«Они все виноваты. Они все грязные. Господин говорит, что нужно их исправить. Искупить! Дай волку овечью шкуру, он не перестанет быть волком, но сделай волка овцой, вырви ему зубы, и он навсегда перестанет кусаться», — гласила одна из строчек дневника Судьи. — «Отец всегда говорил, что нужно всё зло резать на корню. Я не разделяю людей по возрастам, и если ребёнок виноват, то он понесёт наказание с родителями. Он одной крови с провинившимся. Дети праздные, ленивые, невоспитанные, шумные».

Оранжевые лучи пробивались сквозь окно, падая на лицо Фальки. Кот спал на полу, лёжа на её ноге, свернувшись калачиком. Рядом с его головой стояла пустая бутылка водки и наполовину выпитое креплёное вино в графине. Жёлтые потёртые полосатые обои с узорами давили на голову, забирали остатки воздуха. В комнату заходит Кутя, смотря на Фальку и спящего Кота.

— Открой окно, пожалуйста, — просит девушка, смотря в сторону. Голос звучит пусто, отрешённо. Жёлтые глаза не блестят. В них скопилось отвращение, ужас, желание бросить всё и уехать в Столицу, а оттуда, может быть, к горным границам или куда-нибудь на край света.

— Они... — хотел было спросить Кутя, но Фалька его перебила.

— Он отдал твоему отцу в плату за какой-то долг, как я поняла. Он считал, что твоя мать — развратница, а сестра — праздная. Что в будущем из неё выйдет лишь развратная девка. Они пришли к нему за помощью, он обратил их в овец, — сказала она, медленно поворачивая голову на мальчика. — Он считал, что они полны ереси и греха. Назвал себя Судьёй. Лес... Что такого в этом лесу? Я не понимаю, как умер ваш Старший, почему овца стала пеплом? Что видел твой отец? — Фалька говорит с надрывом, но так же тихо, чтобы не разбудить Кота. Кутя открывает окно и садится на подоконник. Солнце всё больше падает на лицо Фальки, подчёркивая всю усталость внутри. Кутя ковыряет пальцем краску на створке, отворачиваясь в сторону.

— Знаешь, что самое странное? — снова начинает говорить Фалька. — Я не понимаю, почему меня это всё зацепило и почему я влезла в эту лужу с двумя ногами и села в ней.

— Так брось? Ты не местная. Если уедешь, то...

— То предам Кота, — перебивает мальчика Фалька. — У меня кроме него никого нет.

— А инквизиция? Вы там как семья? Разве нет? — Кутя жмурится, обсасывая палец, так как под ноготь забились краски.

— Да какая там семья. Только если неблагополучная, — девушка наклоняется и достаёт из кармана Кота пачку сигарет, прикуривая одну от чиркала и выпуская дым через нос. — А тебе совсем не больно от смерти своей сестры? — Она хмурится.

— Нет. Смерти нет. Так Старший говорил, — Кутя становится серьёзным. — Мы все вышли из смерти, поэтому и живём тут.

Фалька снова выпускает клуб дыма, откидывая голову. Солнце попало в небольшой ловец света, рассеиваясь по комнате и деля окружение пополам, от чего внутри становилось ещё тяжелее. Вопросы давили на плечи, ответы не давали вариантов решения, не открывали карты, не рассказывали, почему овца стала пеплом, что есть такого в лесу, чего боятся овцы? Фалька

снова выпустила дым к потолку, стряхнув пепел. Клубы закружились в синем свете, постепенно рассеиваясь, перекручиваясь между собой. Кот хмыкнул под боком, повернувшись на другой бок, укладываясь на колени полностью. Подняться с пола не получится ещё долго.

— Циркачи! Циркачи идут! — кричал Рыжий, бегая из стороны в сторону и размахивая руками. — Шатры в поле ставят! Мамка, дай денюжку! Я мячик хочу и вату! Мамка! — закричал он, убегая в подъезд дома.

Кот недовольно пригладил усы, смотря на сидящих за уличным столом. Жителей в доме было немного, поэтому зачастую завтракали все вместе и на улице. Пища лучше усваивается.

— Опять золото покрадут, остроухие! — завелась Кухарка, помешивая в огромном котле суп. — А то ещё хуже! В прошлом году у Ногтя сына спёрли и в лес утащили! Мальчику и года не было, да что возраст, имени у него даже не было!

— Черти этакие. Только вчера Старшего похоронили с Матерью и Чайкой, — подцепил Рюмка разговор, открывая бутылку водки и наливая её в железную кружку. — Сначала эта инквизиторская перхоть, потом смерть Старшего, а теперь ещё и шатры ставятся.

— Фалька тут ни при чём! Я тоже там служу. Если ты сидел, Рюмка, то это по твоей глупости, — говорит Кот, ударив кулаком по столу. — Это моя жена. Говори уважительно! Если бы это услышал отец...

— Твой отец не Борода, а баран! — говорит Рюмка, поднимаясь.

— Господа, — Фалька отрывает глаза от тарелки, кладя ложку на стол. — Если вам нравится жить в страхе, я могу уехать, но тогда я буду вынуждена передать всё в свой штаб. Вы понимаете, что тогда сюда нагрянет отряд его величества для зачистки ереси? Я закрываю глаза на всё это по той причине, что Кот тоже часть вас и вашего этого мирка, и не могу оставить его с бедой один на один, — она приподнимается над столом, опираясь руками на деревянную крышку. — Как только это всё начало происходить, я могла спокойно действовать по правилам, но я тут пытаюсь понять, что происходит и как сделать так, чтобы больше не было ни смертей, ни убийств, чтобы никто больше не потерял близкого. Если есть вопросы, я всё расскажу и покажу, что удалось найти, узнать и так далее. Выслушаю ваше недовольство. Я выполняю свою работу, а вы, пожалуйста, если хотите ранить, то бейте в лицо, а не в спину, как крысы.

Рюмка сел за стол. Повисло тяжёлое молчание. Рыжий вылетает из подъезда, держа пару монет в руках, вместе с Кутей и Щуплым.

— Спасибо, — тихо говорит Кот, беря Фальку за руку. Девушка лишь кивает, окидывая взглядом стол. Кухарка молча ставит перед парой тарелку со вторым.

— Я положила мяса чуть больше. Никому, — строго сказала она, уходя назад к своим котлам.

Разноцветные флаги, запах сладких яблок в карамели, смех, большие шатры и палатки, акробаты, пожиратели мечей и огня наполняли существенную часть поля. В центре шатровых улочек стояла большая сцена, на которой стоял высокий остроухий мужчина в пёстрой одежде, раскинув руки в стороны.

— Дамы и господа! Мы вышли к вам от лесного Господина, чтобы показать великое шоу! Я Бард, ваш покорный слуга и проводник в мир веселья! — горланил он во всю, с широкой улыбкой.

— Фу, — сказал Кот, находясь в толпе рядом с Фалькой. — Меня тошнит от его радости.

— Успокойся, — говорит она на выдохе, смотря за тем, как Бард выводит на сцену двух овец, которые, подобно собакам, перепрыгивают через кольца. — Какой ужас.

На сцене овцы выполняли трюки по поимке мячиков, прыгали друг через друга, а в конце шоу, когда толпа взревела от восторга, вышли два клоуна, повернув овец к ширме, которая загораживала лес. Животные забились от страха, но артисты крепко держали их, не давая вырваться. Фалька переглянулась с котом, сделав шаг к сцене, чтобы подойти поближе, но неожиданно Бард спустился со сцены, взяв девушку за руку.

— Какое прекрасное лицо у вас, мадам! — он расплылся в улыбке, поклонившись головой, не отпуская кисть Фальки. Кот подошёл ближе, положив руки на плечи будущей невесте. Бард же выпрямился.

— Что ревнуете? Думаете украду у вас невесту? Я краду непослушных детей и вредных мясистых теток, — рассмеялся он, вернувшись на сцену в одном прыжке. Он подошёл к ширме, отодвинув её. Овцы замерли от страха, а остроухий встал между ними, достав два колокольчика. Он выставил руки в стороны, позвонив в них. Лес загудел. Звук наполнился ударами набата. Фалька смотрела на лес и на овец, которые громко закричали в такт шуму, упав на землю. Тела их стали превращаться в пепел. Девушка сделала шаг назад, спиной опираясь на кота. К горлу начала подступать рвота, а в глазах всплыли воспоминания, которые были закрыты огромной печатью. Воспоминания первого боя, родных мест, горящих в огне, колокола, звонящие с башни храма, и набат. Холодный звук «Бом! Бом! Бом!» пробивал тело. Фалька достала небольшой пакет с порошком, открыв его зубами и высыпав в рот, закашлявшись. Боль пробила грудь, а из горла вылетела маленькая бабочка красного цвета. Девушка подняла глаза на Барда, который стоял на сцене на колене и смотрел точно на неё, улыбаясь во все свои жёлтые зубы, от чего его острые уши взмыли вверх.

— Так у нас тут ещё один агнец, — выдал он, наклонившись. — Человек человека видит, а агница за человеческой маской не чувствует, — он рассмеялся, поднимаясь. — Господин принял души! Он доволен, но всё так же голоден, так давайте накормим его своим весельем! Мы будем рады вашим подношениям в виде скота, вам неудобных соседей, продуктов и прочего! Веселитесь, человеки! Веселитесь! — кричал он, отворачиваясь, а после тихо шепча: — Пока можете это делать.

Фалька тяжело дышала, сидя на лавке и держа чашку с водой. Кот был рядом, приобнимая её за плечи. Девушка сделала глоток, снова глубоко вдыхая.

— Лес... Души, — говорит она. — В лесу живёт тот, кто съедает души. Тело не может жить без души, а значит, и простой оболочки нет, но почему овцы? Что если...

— Не все овцы — овцы, — холодно сказал Кот, приглаживая усы. — Значит, есть то, что превращает человека в овцу без заклинания. Что-то, что не описал Судья в дневнике.

Фалька кивает, замечая, как вдалеке циркачи тащат рыжеволосого парнишку. Рот парня закрыт кляпом, но это не мешает ему лупасить по спине связанными руками.

— Рыжий! — Кот подскочил вместе с Фалькой, быстрым шагом направившись в сторону шатра, куда утащили мальчика. Подойдя ко входу, дорогу им перегородил Бард.

— О, это же обладательница прекрасных глазок, — он снова расплылся в жуткой улыбке во весь рот. — Мы уже собираемся. Солнышко заходит за горизонт.

— Вы похитили ребёнка! — сквозь зубы говорит Фалька.

— Нет.

— Да, — влезает в разговор Кот, кладя руку на рукоять сабли, весящей на поясе.

— Нет, — с издёвкой говорит эльф. — Понимаете ли, мой господин голоден, и голодал он, пока старый хрыч был жив, а тут так вышло, что наконец земля забрала его в свои объятья. Овцы, конечно, неплохой перекус, но одной овцой, когда ты дракон, сыт не будешь. Понимаете, я не хочу умирать, — он достал небольшой мешочек, высыпав несколько цветов на руки и растирая их в ладонях. — Понимаете, дело в том, что если мы не принесём ему жертву больше, чем чистая и непорочная овца, то он не съест моих людей. А мы — большая семья. Я знаю каждого лично.

Он хлопает руками, поднимая пыль от цветов с ладоней. Фалька закашливается, как и Кот, который достаёт саблю из ножен. Из шатра выходят остальные циркачи, держа всё, что попало под руку и чем можно нанести увечья. Бой завязался сразу. Бард лишь смеялся, держа в руках ятаган с золотой ручкой. Он неожиданно запел, когда меч скрестился с мечом Фальки.

— Когда мы были на войне, когда мы были на войне! — стала раздаваться по кругу. Неожиданно земля под ногами превратилась в доски, а окружение стало огромной сценой. Бард кружится вокруг Фальки, которая пытается отбить каждый удар ятагана своей саблей. Удар за ударом, слово за словом, музыка окружала, а бой больше походил на танец. Топот ног, разнос голосов сбивал с толку. Бард снова кидает пыльцу в глаза. Сцена сменилась на сечь. Кони, люди, крики, удары орудий и такой же натиск сабель. Фалька не знала, рубит ли она одного и того же или совсем разных. Бард даёт ей издевательский пинок сзади, не прекращая петь. Девушка сжимает свою саблю в ладони, тяжело дыша, пытаясь сконцентрировать взгляд на цели, хотя от пыльцы все плыло. Бард стоит перед ней, выставив свою саблю, не убирая с лица отвращения и наслаждения от мучений своего соперника. Фалька стояла в лучах рыжего солнца, тяжело дыша. В глазах Бард становился красным пятном, которое у тому же, продолжало петь и танцевать, думая, что держит ситуацию в своих руках.

— Давай! Покажи истинное лицо! — громко говорит он, от чего Фалька срывается на крик, заноса над головой саблю и одним ударом перерубая Барду колени, чего эльф не ожидал. Он падает на землю, мокрую от крови. Сечь растворяется с последними словами песни. Он явно хотел закончить это не так, конец должен быть другим.

Они стоят посреди пустого поля, в алом пожаре шатров. Посреди кровавой бойни.

— Знаешь, как переводится агнец? Знаешь, как меня называли на моей родине? — говорит Фалька, смотря на эльфа холодно и строго, читая в глаза Барда мольбы о пощаде — Знающий линии. Аль-гуль. Шабнак. Я слышу, как кричит земля. И теперь я чувствую голод твоего леса, только я заткну ему глотку, потому что из-за таких как он погиб мой народ. Я теперь вижу и слышу всё, — говорила девушка циркачу с отвращением в голосе, который слегка похрипывал от холода. Она заносит саблю, отрубая Барду голову одним чётким ударом. Фалька тяжело дышит, падая на колени, закрыв глаза. Алые лучи с ярко-рыжим солнцем освещают измученное боем лицо.

Кот сидит на земле, прижимая к телу Рыжего, смотря за тем, как горят шатры. Мальчик громко плачет, не выпуская мужчину из рук.

— Большой скрюченный дядька! У него котёл! Я видел в нём Чайку! И папу! Они одних превращали в овец, других разрубали на куски! Мама! Мама! Они... Мама!

— Тише. Тише, — успокаивал его уса́тый, прижимая одной рукой. Фалька подошла сзади, устало садясь на землю.

— Привет, — выдала она, смотря на Кота.

— Привет, — сказал он, испуганно обняв её второй рукой, всё так же не выпуская рыжего, который уткнулся ему в плечо — Я нашёл, что превращает людей в овец. А ещё хочу пива.

— Здорово. Давай потом покажешь и потом поищем что бы выпить. Сил нет, — девушка закрывает глаза, падая ему на колени. Кот свободной рукой гладит её по голове. Огромный красный солнечный диск погружается в степное море, освещая троицу, за спинами которых находились яркие останки погоревших шатров и палаток.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 4: Кости, земля и агнцы

Кот стоял мрачный, пожевывая сигарету. Фалька сидела за столом, крутя в руках железный куб. Руны по граням переливались синим цветом. В центре была главная печать — завертушка, напоминающая тело и голову быка, перечеркнутая пополам. Фалька крутила куб в руках, проводя пальцами по всем шершавинкам, маленьким потертостям и царапкам. Кот цокнул, садясь напротив.

— Нужна яма. И тот, кто должен будет меня закопать, — Фалька не отрывала взгляда от куба.

— Нет. Я против.

— Это не просьба. Приказ.

— Я ослушаюсь.

— Тут не хватает части.

— Как ты это поняла?

— У моего отца был такой же. Ключ Судьбы, подходит к замку. Они крали людей, относили к нему. Есть третий.

— Ты уверена? — Кот акцентировал внимание на втором слове, наклоняясь вперед. — Я знаю, как это опасно. Вспомни, что случилось с Лешим.

— Леший — человек. Я нет, — Фалька поставила куб на стол. — Считаю, что запихиваешь меня в чрево матери.

— Ты уверена, что куб раз... — начал Кот, но Фалька повернула одну из граней куба. В нос коту ударил запах пороха и пепла. Он огляделся по сторонам. Мимо него пронесся табун лошадей. Раздался щелчок — и он снова стоял во дворе «Замка»

— Что это было?! Сабля меня разруби! — закричал Кот. Фалька ничего не сказала. Она лишь цокнула, дернув головой. Девушка достала пакет с порошком, открыла его и поднесла к носу. Впервые она почувствовала запах яда в порошке — запах, который давил на мысли, запах разложения и крови. Она загнула его край и убрала в нагрудный карман. Кот, ворча, прошел мимо вместе с Кутей и Рыжим. Все трое держали лопаты.

Воздухе видало напряжение. Сильный ветер трепал волосы. Фалька стояла на коленях. Перед ней были разложены инструменты для ритуала. Ее пальто висело на заборе. Пальцы медленно расстегивали рубашку. Ткань упала с плеч; благо под ней была майка, но и она не скрывала всех шрамов. Тут — шрам на ключице, переходивший в ожог. Девушка медленно снимала наручи с кистей. По рукам тянулись рваные следы от магических «пистолетов». Мелкие царапины, переходившие в старые порезы. На спине было выбито тавро — отпечаток агнца. Отпечаток, который дается при рождении. Ожог мертвого. На небольшом платке, рядом с ножом, завернутым в тряпку, стояла бутылка с чем-то жидким. Фалька взяла ее тонкими пальцами и выпила залпом, сжимая зубы от боли. Во рту сразу появился металлический привкус. Вены набухли. Стали черными. Лицо побледнело на тон. Пальцы сжали ткань брюк. В голове тяжело, гудело, свербело под язычком. Дыхание очистилось. Казалось, что ломались кости. Кот стоял за забором, наблюдая за всем этим. Он закурил и отвернулся, злобно фыркнув и жестом прогоняя Кутю, Рыжего и Щуплого.

— А чё, сисек не будет? — басил Щуплый, получая пинком по жирной заднице от Рыжего.

— У тебя на уме только одно! Хочешь на баб голых посмотреть — иди к Сопле! — ворчал он.

— Не. Сопля не баба! У баб сиськи есть. А в них счастье! Рюмка говорил!

Кот цокнул, глядя, как троица скрывается за оврагом. Он сел под единственное дерево возле забора, достал большой кусок угля из костра и положил на самопальный кальян, взял трубку и затянулся, выпуская дым к небу.

— Дыши, дитя, — раздалось в голове у Фальки. — Я тебя вижу. Чувствую. Дыши, дитя.

Костлявые руки опустились на плечи Фальки. Зубы превратились в клыки. Руки удлинились, ногти — в когти. Они разорвали землю, впиваясь в нее. Из горла вырвался крик. На голове появился терновый венок, разрывавший кожу на лбу шипами. Тело дергалось, утратив плавность. Каждое движение вызывало боль. От каждого вздоха ломались кости. Раздался громкий хруст, похожий на крик. Перед ямой никого не было. Кот поднялся с места, подходя к «могиле», которую они выкопали. Фалька лежала в земле в позе эмбриона.

— Птицы, птицы. Собирайтесь у мраморного гнезда, — шептал он, закапывая тело любимой.

— Птицы, птицы. Собирайтесь у мраморного гнезда, — произнесла Фалька одними губами. Глаза закрыты. В нос ударил запах земли и крови. Тело окутало тепло. Боль уходила постепенно. Она открыла глаза. Высокая трава, впереди — разрушенная деревня. В «небе», если это можно так назвать, огромное нечто с тремя головами. Головы Овца, Волка и Женщины был обращен в сторону маленького дитя. Девушка сделала шаг вперед, шатаясь. Ноги не слушались — они стали костяными. Отличительный знак агнца. В мире верхних это единственное, что не видят живые. Чары убирают и когти, и зубы, и терновый «нимб». Агнец агнца видит издалека, да вот человек — шавка за маской не чувствует. Дети матери земли и отца смерти. Дети, созданные из земли, костей и мертвой плоти. Упыри, по-человечески. Живот свело. Голод накрыл с головой. Ужасно захотелось крови. Фалька пошла к деревне медленно, непривычно. Тяжесть уходила со временем.

— Дитя! — раздался голос с неба. — Дитя вернулось! Одно из моих лучших творений! Зачем пришло?

Поле заросло тысячей глаз. У бескрайнего поля появились стены. В них, в слое грязи и пыли, пульсировали вены, в слое смерти и жизни проступали очертания местных.

— Брат мой умер, — хрипло сказала Фалька, проходя между домами и садясь за огромный стол. Окружение вокруг стало комнатой, но небо-существо никуда не делось.

— Местные звали его Старшим. Когда он спас людей, муу ки дар байгаа газар, мама! Я слышала голос муу шубун. Он обернулся, удургом, мама! — громко говорила Фалька.

— Сядь, дитя, — громко приказал голос. Из стен появились руки. Они вытянули тела, сложив их в стол и стулья. Фалька села за стол, на который стали выставлять сырое мясо.

— Ты голодна, дитя моё? Как давно ты не ела?

— Я борюсь с жаждой, как каждый мой брат или сестра.

— Ешь, дочь моя. Старший тут. Шубун забрал его глаза и почти забрал душу. Истинное тело его здесь. Что у тебя за знак, Их буу? Запах скверной магии!

— Я заключила сделку со Знающей Травы, — Фалька взяла кусок мяса, сжимая его в пальцах. Когти впились в мягкую плоть, разрывая волокна. На плечо девушки села синяя бабочка. Запах гнили и крови пробивал нос. Фальку это не смущало. Сердце билось.

— Травы? Что она попросила? — Существо в небе придвинуло свои головы. Тысячи рук, цепляясь одна за другую, обрастая плотью и костями, спустились с неба. Ладонь гладила Фальку по голове, как только она откусывала кусок мяса. Девушка жевала медленно, подбирая слова.

— Не знаю, но я делаю это из-за любимого.

— Хайртай нөхөр? Привязалась, дитя. Людям доверять нельзя. Они говорят: «Люди не убивают людей», — заговорила голова волка, сменив женское лицо. — А потом наносят удар. Ты знаешь.

— Он дорог мне, брат, — девушка подняла лицо к небу. Волчья морда смотрела точно на Фальку. Глаза существа были такие же желтые, медовые, полные боли. По глазам агнец узнает агнца — по ярким, медовым глазам.

— Ты чистое создание, — проблеяла овечья голова. — Создание из костей и земли! Венец нашего творения! — Раздались голос троих. Голоса места. Голоса других. Вкопанных в стены. Голоса тех кто слышит и говорит. Говорит когда Они молчат.

— Я ручаюсь за него и его край, братья, — сказала Фалька холодно, строго, по-военному выправленно.

— Мне нужен Старший! Я знаю, он здесь. В стенах, — сказала девушка.

— Хорошо, дитя, — снова заговорило женское лицо. Оно махнуло рукой, отчего стены сузились. Узкий коридор встал перед глазами. Пройти можно было только боком. Фалька поднялась со стула.

— Он там, — рыкнул волк.

— Он слеп. Его глаза могут не узнать, — проблеяла овечья голова.

— Он заговорит и ответит. Четыре вопроса, дитя, — сказала женщина, снова вытягивая руку — Четыре. По одному на вдох.

Пальцы коснулись лица Фальки, запутались в волосах, подтолкнули вперед, как ребенка при первых шагах. Девушка посмотрела на существо, кивнула в благодарность и протиснулась в узкий проход.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Земля скапливалась под ногтями.

Вдох. Выдох. Выдох. Выдох.

Камни сдавливали грудь. Дышать тяжело. Очень.

Вдох. Проход выплюнул в небольшую комнату.

Выдох. Макушка почти упиралась в потолок. Старший сидел на полу. Травы и корни оплетали его тело.

Вдох. Запах смрада и табака. Запах крови и травы бил в нос. Запах хлеба, мяса и смерти. Фалька села на землю. Девушка смотрела на Старшего.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

— Что такое «Рыжий лес»? — спросила девушка. Старший поднял голову. Вместо глаз — две дыры. Лицо истощено. Грудь разорвана. Каменная дыра. Корни сплетают очертания сердца.

Вдох.

— Лес. Живой. Лес. Голоден. Лес. Плачет, — сказал он.

Выдох.

— Почему овцы? — Фалька вытерла пот со лба. Душно. Дышать нечем.

Вдох.

— Агнец. Воплощение матери. Овца. Безгрешна. В своей природе. Человек в овце — наказ на греховность. Овца очищает. Лес пожирает. — Челюсть Старшего не двигалась.

Выдох.

— Почему они боятся леса? — Фалька приподнялась. Смотрит в упор.

Вдох.

— Потому что. Лес. Неискупленный грех. Он голоден. Он хочет жрать. Мы боремся. Лес пожирает. На твоей земле был гнев. Огонь сожрал почти всех. Тут голод. Овцы боятся. Искупленные не хотят стать частью первородного греха, — сказал Старший.

Выдох.

— Как ты умер? — Фалька сделала последний вдох.

— Как слабак, — выдохнул Старший, разжимая кулак. В нем лежала небольшая пластина с руной, как на кубе, отобранном у эльффов.

— Нет, стой, от чего ты умер?! — сказала Фалька, но воздуха не хватало. Стены сжимались, плющили тело, выталкивали. Венец впивался в лоб. Боль возвращалась. Тело менялось, становилось человеческим. Агнец агнца видит, человек агнца узнавать не должен. По щекам от боли текли слезы. Чувство, будто ломают кости. Руки рвали землю. Свет пробивался.

Вдох.

— Нашел! — закричал Кот. Рюмка бросил лопату, схватил железную флягу с водой и бутылку водки. Рыжий бежал с одеялом. Кутя держал пакет с лекарством с надорванным краем. Щуплый катился кубарем рядом. Надеются увидеть нагое тело. Кот аккуратно достал Фальку из земли. Засыпал лекарство из пакета с порошком. Прижимая к себе.

— Дыши. Прошу. Дыши, — он сжал зубы.

Фалька хватала ртом воздух, широко открывая глаза. Кот протянул ей бутылку воды. Во рту было сухо. Живительный глоток.

— Водки? — Рюмка улыбнулся.

— Убить хочешь? — хрипела Фалька, кутаясь в одеяло. Тело пробивал холод.

— Ладно, — Рюмка сделал глоток из бутылки и поморщился. Опустошил.

Кот обнял Фальку. Та жмурилась от боли. В руке она сжимала одну из пластин куба — артефакт, который давал ключ. Но не факт, что ответ. Возможно только маленькие...

Выдох.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад.

Неделя 5: День конечного начала

Большая стрелка настенных часов сместилась на семь утра, вызвав бой механизма. Под одеялом раздалось тихое ворчание.

— Чёрт, — прошептала Фалька, сильнее зарываясь в подушки. Кот что-то фыркнул, привстал и кинул в часы книгу, лежавшую на тумбочке, падая назад на подушки. Тело было тяжёлым. Кот повернулся на бок, накрывая себя и Фальку одеялом с головой, чтобы выбить ещё время на сон — хотя бы часик.

— Кот! Фалька! Там папа! — Кутя влетел в комнату, отчего Кот издал слегка сдавленный рык усталости. — Он там! — мальчик сдерживал плач. — Он висит! Висит под потолком!

Кот, забыв про сон, сорвался с места. Фалька села на кровати, а Кутя начал реветь, уже не в силах сдерживать страх и быть «мужиком», падая в объятия девушке.

Открыв дверь в комнату отца, Кота сковал страх. Запах сладчайших духов ударил в нос, мешаясь с вином и крепкими сигарами. Комната озарялась фиолетовым цветом. Кот сдерживал рвотный позыв в горле. Тяжесть опускалась в живот — то ли от смрада, то ли от вида комнаты. Борода, словно марионетка, висел под потолком, связанный по рукам и ногам.

— Доброе утро! — раздался кукольный голос со стороны окна. — У меня для вас важное извещение! — голос был до противного жизнерадостный. — Вы приглашены на бал в честь нашей Герцогини! Будет много блюд и танцы! — дёргалось тело бедного Борода. Кот тяжело дышал.

— Папа, — сказал он, делая шаг в сторону «куклы».

— А я не папа! Я Борокио! Слуга Герцогини! Вот два приглашения! А ещё для нашего веселья я заберу это! — марионетка достала из-за спины куб.

— Как?! Что?! — Кот прыгнул на марионетку, чтобы забрать заветный артефакт, но кукла громко цокнула, залетела за спину Кота и дала ему пинок. Мужчина упал на пол. Фалька появилась в проёме. Борокио лишь засмеялся, показал язык девушке. Она же в свою очередь увернулась от удара, нырнув под куклу. Кукла резко развернулась, открывая рот. Розовый сладкий дым окутал комнату. Дышать стало трудно. Кашель прошибал горло. Глаза начали слезиться. Девушка упала на пол, глядя на Кота, который полз в сторону окна, но оно разбилось — тело Борода выбило его. Кот подполз к подоконнику, глядя вниз. Внизу на земле было пусто. Он подполз к Фальке, из последних сил таща её к окну. Кот поднял девушку, рукавом отодвигая мелкие осколки стекла. Фалька положила голову на подоконник, держась рукой за штору. Кот молча указал на горшок с цветком, где торчали два конверта.

— Так значит, — Рюмка цокнул, глядя, как Кухарка льёт горячую воду на голову Кота возле огромной железной бочки с водой, — Борода пропал, а вам пришли две бумажки?

— Ты прочти их, — сказала Фалька, лёжа на лавке с мокрым полотенцем на лице. Рюмка с важным видом посмотрел на два приглашения, вертел их, а после положил на стол.

— Ну, написано!

— Да он читать не умеет! — крикнула Кухарка, ставя руки на бока. — Не умеет и всё! Что тут взять с алкаша-недомерка?! — хмыкнула она. Фалька поднялась, убирая полотенце с лица.

— Что за Герцогиня? Я уже запуталась во всём этом. Кто это? — девушка тяжело выдохнула, подпирая рукой голову.

— Бывшая аристократка, — раздался голос Ветоши за спиной Фальки, отчего девушка дёрнулась. — Её не было слышно вот лет как...цать. Каждый месяц она в своём лесном доме устраивала балы, где было всё, что только нужно праздной душе, но вот её никогда никто не видел, а запашок от неё ещё тот.

— В лесном доме? — переспросил Кот. — В лесу кто-то живёт? Я живу тут с...

— Потому что это было ещё до твоего рождения. Когда твоя мать и батька под стол ходили, — Ветошь хмыкнула. — Лес не всегда был таким. Он цвёл. В нём охотились. В нём отдыхали. Кто-то даже жил в нём. А после...

— А после он стал голодать, — Фалька смотрела в одну точку. — Людей стали превращать в овец для искупления и... — девушка не договорила, ибо горло снова пробил кашель. Из горла вылетела бабочка, что вызвало непонимание у Рюмки и Кухарки, замерших на месте.

— Ты гусениц жрёшь? — выдал Рюмка.

— Еперный театр. Как Старший. Он это, сидит, водку пьёт. Как кашляет, так вот такая же фигня происходит. Только цветы выплёвывал. Большие такие, — Кухарка прижала к себе половник. Кот подошёл ближе, провожая бабочку взглядом.

— А разве... — мужчина с недоумением обратил взгляд к Фальке, — порошок? Не от него всё это связано? Я думал, что...

— Нет, — девушка выдохнула, потирая переносицу. — Как бы это объяснить попроще... не от него. Порошок называется «чары», он нужен для того, чтобы я не отличалась от людей, — говорить было явно трудно. — Я пью его при стрессе, чтобы не пугать людей, вот. — она махнула руками вокруг головы, — этим. Бабочка — сгусток того, что называется остатком смерти или серостью. Это заменяет мне кровь. Агнец на то и агнец, что не жив и не мёртв. У кого-то цветы, что явно хуже, кто-то выплёвывает камни, я — бабочек. Это побочный эффект от связи с землёй и Матерью. Проблема моя в том, что понятие смерти для подобных мне и для людей различно. Если для человека смерть — конец, то для меня это изменение формы своего тела. Концом будет, если вырвать сердце и глаза, полностью уничтожить это тело. Например, если меня кто-то сожрёт живьём, — Фалька сложила руки в замок на столе — Можно я не буду дальше пытаться всё это объяснять? Я сама не знаю всего. Я пью порошок, чтобы клыков не было, чтобы «венец» не прорастал и вены не чернели, чтобы людей не пугать. Я варюсь во всём этом сколько себя знаю. А как это объяснить — не знаю.

— Да какая разница, — сказал мужчина, кидая полотенце на землю. — У меня в полку сослуживец был — метр с шапкой. Низушек. Это такие мелкие товарищи с дальних гор. Увидел я его когда — думал, дитя малое, в армию, да ещё в конный полк! Ерьсь! А оказалось, что такие товарищи живут и служат её величеству, — он указал вдаль. — В горах, причём в таких местах, где даже годовалый не всегда пролезет, а как эти это делают — не знают. Говорил, что просто протискивается — и всё. В любую щель, даже мышиную нору! Только скажи что-либо, Рюмка, — сказал Кот, показав кулак мужчин — В любом случае, не время лясы точить. Нам нужно разобраться с бедой. Новой.

— Приглашения у вас есть, — влезла Ветошь, указывая на них рукой. — Думаю, вы что-нибудь придумаете.

Фалька лишь переглянулась с Котом. Оба одновременно тяжело выдохнули. Вечер обещал быть тяжёлым.

— У меня есть одна просьба к тебе, — тихо сказала Ветошь, указывая на руку Фальки, где на запястье стояло напоминание о долге.

— Я слушаю, — девушка наклонила голову к старухе.

Кот смотрел на своё отражение в треснутом зеркале, поправляя ворот парадной формы. На небольшом столике лежала маска на пол лица вместе с офицерской фуражкой. Над козырьком гордо светилась кокарда с королевской эмблемой. Кот надел её на голову, ладонью проверяя, насколько ровно она сидит. Застегнул маску на лице, глядя на своё отражение, пытаясь затянуть ремни на затылке, чтобы она сидела плотнее и в случае чего не было проблем с её надеванием на вечере. Застёжки не слушались пальцев — всё никак не затягивались. Он громко фыркнул, пыхтел, но замер. Лёгкая женская рука коснулась затылка, ловко затягивая ремешок.

— Так? — голос Фальки звучал спокойно, даже слегка хрипло. Она не хотела показывать своё раздражение от всей ситуации. Не хотела казаться уставшей и слабой.

— Да. Спасибо, — Кот снял маску с лица, аккуратно укладывая её на воротнике, чтобы в случае чего она быстро оказалась на лице, снова глядя на отражение. Девушка стояла в подобной форме, с такой же маской, отличие было только в нашивках на плечах. Фалька обняла его со спины, всё же давая себе минуту слабости. Мужчина положил свою руку на её, нежно глядя пальцем, снова кинул взгляд на отражение. Он сжал зубы, вытер лицо рукавом пальто, повернулся к девушке и крепко сжал её в объятиях.

— Я боюсь, — сказал он. — Я боюсь, что потеряю брата, отца. И я боюсь потерять тебя. Фалька молчала. Сейчас слова были излишни. Любые слова.

Огромный дом находился на границе степи и леса, окружённый деревьями. Люди толпились в саду, смеялись, танцевали, ели дорогие кушанья, которых редко могли увидеть в обычной жизни. Сад был помпезный. Огромные деревья, большие кусты с редкими цветами — правда, воняли они до одури сладко, и, кажется, многих пьянили, отчего некоторые люди вели себя подобно зверям. Мужики лапали девок в пышных развратных платьях, кто-то уже валялся в кустах, откуда повсюду раздавались стоны. Другие жрали, как свиньи, третьи кружились в пьяном угаре. Вокруг всего этого стоял противный сладкий смрад вперемешку с вином, вонючим табаком и ужасно вонючими духами, которыми пшикаются дамы за пятьдесят, чтобы скрыть свою старческую вонь.

— Меня сейчас вырвет, — сказала Фалька, держась за руку Кота, надев маску на лицо, последовав примеру мужчины, изначально находившегося в ней.

— Найдём куб, отца и уйдём, — мужчина осматривался, пытаясь найти хоть что-то похожее на Бороду, подходя к столу, где лежало огромное количество разных красивых кушаний. Караси, стерлядь, тут огромный кусок буженины, целый запечённый поросёнок с яблоком, нога огромного барана, курица всех видов и мастей. Вина старше самого Кота и Фальки вместе взятых. Огромные фруктовые тарелки из-за границы, прочие сладости. Хлеба и булочки, от которых шёл пар, масла, заморские овощи. Дорогущие коньяки. Огромные бочки пива и медовухи. Наливные медовые яблоки с орехами внутри. Стейки, сыры на половину стола. Только вот от всего этого пахло гнилью. Люди ели, не обращая внимания на мух, которые летали вокруг них. Кот смотрел на Фальку. Она сдерживала рвотный позыв. Какой-то мужик напротив заливал глотку вином, закусывая всё мясом, распадавшимся у него во рту на личинки. Розовый туман начал опускаться на сад. Дом осветился фиолетовым цветом. Загорелась огромная лампа, непонятно с какого дерева. Тяжёлая на вид железная дверь отворилась, из неё вышел Борода, подвешенный на нитках, но на этот раз на лице мужчины отразились ужас и боль. Глаза были наполнены слезами от каждого движения. Толстые иглы пробивали его руки и ноги, а от них шли нити куда-то в сторону дома. В правой руке «куклы» находился украденный куб, грани которого светились ярким цветом и поворачивались сами собой, больше образуя подобие ромба.

— Дамы и господа! — раздался кукольный голос, а тело задвигалось, вызывая колоссальную боль. — Рад вас видеть на сегодняшнем балу! Танцуйте! Ешьте! Ешьте! Да будет бал! — он поднял куб вверх. Раздался громкий щелчок, грань повернулась, и сад резко обернулся балльным залом королевского дворца.

— Герцогиня здесь, с вами! Она видит вас! Любит вас! — радовался уже низкий женский голос, отчего люди впали в некое чувство эйфории. — Я рада вас видеть! Веселитесь! Ешьте! Ешьте!

Кот сильнее прижал к себе Фальку, сжимая зубы под маской.

— Не нравится мне это, — произнёс он, но не успел договорить, так как руки и ноги оказались связаны верёвками, как и у девушки. Запах гнили стал сильнее, сердце забилося.

— Не могу пошевелиться, — шепнула Фалька, дёргаясь от громкой музыки и оркестра, который начал раздаваться по всему залу. Люди вокруг закружились в вальсе, оставляя двух офицеров в центре.

— Это была ловушка, — шепнула Фалька. Жёлтые глаза бегали по залу, пока тело непроизвольно двигалось в танце. — Мне тяжело сопротивляться этой... магии.

— Ты всё ещё ослаблена после ритуала, — сказал Кот строго, с волнением, уже самостоятельно прижимая девушку к себе за талию. — Доверься. Мы выберемся.

Свет снова сменился на ярко-фиолетовый. Громкий топот чего-то тяжёлого раздался по залу, за дверью, сопровождаясь ударами тяжёлого сердца. Там было что-то бесформенное, вонючее. За спиной у Кота появился Борода.

— У нас не бал, маскарад! — рука сняла маску с Кота. Железо с грохотом упало на пол.

— Прости, — шепнул уже своим голосом мужчина. — Помоги, — умоляюще сказал он, снова срываясь на плач. — Больно.

Кот сжал зубы, резко остановившись. Со стороны Фальки раздался тихий стон боли — нити сжимали руки и ноги, не давая двинуться. Топот тяжёлых ног чего-то бесформенно жирного становился громче.

— Нет, нет, нет! — снова раздался громкий голос Герцогини. — Разве тебе не весело?! Может, вы голодны?! Борода говорил, что вы собираетесь жениться!

Комната снова изменилась. Огромные столы со всё тем же разнообразием блюд. Фалька и Кот сидели в центре всего этого, прикованные к столу. Борода стоял в колпаке шута посередине зала, осматривая гостей. Огромная жирная тень нависла над столом. Запах гнили стал сильнее.

— Сегодня мы чествуем новый союз двух сердец! — начала «кукла». Начали раздаваться восторженные возгласы, громкое «Горько!». Кот через боль потянул руку к ножу на столе. Он подцепил его пальцами, роняя себе на колени. Как только тело поднялось на верёвках, ему удалось схватить нож в ладонь и через всё ту же боль освободить руки Фальки. Девушка с лету поняла его план и выхватила нож, освобождая ноги мужчины. Кот ногой перевернул стол, придавив им «куклу» Бороду. Тень резко завывала. Продукты на полу и столах начали моментально гнить, превращаясь в бесформенную кашу. Яркий фиолетовый свет ударил в глаза Коту и Фальке. Кот хмыкнул, дёрнул головой и перевернул пинком второй стол, отчего где-то под потолком что-то рухнуло. Руки его всё ещё были связаны, отчего верёвки поднимались вверх, сжимаясь до боли. Фалька выставила руку вперёд, сжала зубы и откинула запястье вверх. Раздался громкий выстрел магического света. Как только руки мужчины освободились и он приземлился точно на ноги на третий неперевернутый стол, мужчина достал свою саблю, сжимая её одной рукой. Он побежал к отцу, который принял позу, как тогда в комнате, чтобы пустить отравляющий дым. Из рта Бороды вырвался фиолетовый дым, но Кот хватил ртом воздух, задержал дыхание и одним движением руки перерубил нити, которые удерживали отца. Мужчина без сил упал на пол. Раздался громкий, женский, низкий вопль. Стены начали сыпаться, столы сгнивать. Фалька упала на пол, так как ноги всё ещё были связаны. Нити начали тащить её в сторону фигуры, которая, где-то в темноте, клацала множеством зубов. Кот побежал к ней, но нить дёрнулась, отчего девушка улетела в огромную зубастую пасть, показавшуюся в одной из дверей. Глаза Кота расширились от мгновенного испуга. Он не успел ничего сказать, как его схватил Борода, накрывая ладонью одну из граней куба, закрывая его. Оглушающая тишина. Резкий хлопок нарушил её, уничтожая и зал, и дом, до этого ослепляя Кота.

Огромное степное поле и опушка леса. Вот совсем рядом. Рукой подать. Здесь был дом. Теперь — только пара досок, разбитые качели и выбитые двери. Кот упал на колени, как только нос перестал чувствовать ужасный смрад. Борода подполз к нему, кладя руку на спину. Парень сжал траву. Его горло разорвал громкий крик боли. Он резко встал на ноги, полетел в разрушенный дом, голыми руками открывая доски, переворачивая остатки шкафов. Он схватил

свою саблю, начиная рубить всё, что попадалось под руку. Борода едва-едва встал на ноги. Он пошёл к сыну, который стоял на коленях в доме, лицом к проходу и спиной к стене.

— Я сожгу этот лес! Я сожгу тебя, сволочь! Я сломаю тебя этими руками! — кричал Кот в дыру в потолке, в крыше которой виднелись рыжие деревья. — Каждое дерево! Каждый лист!

— Не хватит сил, — раздался голос Фальки за его спиной. Рука её аккуратно легла на плечо Кота. Он поднял голову, глядя на свою невесту. Она стояла в лунном свете, облитая с ног до головы чем-то золотым, что пахло, как кровь, а в другой руке держала сердце Герцогини, которое больше её ладони было раза в четыре. Оно почти прозрачное, а внутри копошились черви и мухи, перекачивая остатки золотой крови. Кот схватил Фальку за руку и притянул к себе, не смотря на кровь, не смотря на сердце королевы того, кто прячется в лесу. Борода медленно зашёл в этот дом, протягивая паре куб, грани которого переливались в цвет леса. Где-то в глубине раздался ещё один громкий рык. Местное божество потеряло своего последнего монарха. Кот поднял зелёные глаза на небо, целуя Фальку в лоб, на лице которой была лёгкая улыбка. С верхушек деревьев начала опадать листва.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 6: Отдай свои глаза! Отдай свою сердце, сестра!

— Так вот ты какойдохлый!? — раздался басовый женский голос, поднимая Фальку на нитях за руки под потолок. Огромное жирное существо смотрело на девушку, тыкая её гигантским пальцем в живот. Девушка пыталась освободиться, но оковы держали плотно, не давая пошевелить конечностями.

— У тебя одна кожа да кости! Боже, и с тобой не могли справиться Бард и Судья? — существо перекатывалось с боку на бок. Дышать было невозможно. Сладкий запах спиртовых духов забирался глубоко в голову, вызывая рвотный позыв.

— Маленькая, а столько проблем. Крыса! — снова раздался голос Герцогини, поправляя лампу, освещавшую то, что некогда, возможно, было лицом. Тело её было раздуто до состояния шара, руки едва двигались, ноги уходили глубоко под кольца огромного живота или их вообще не было. На голове твари красовалась маленькая корона как символ её «власти».

— У тебя же жрать нечего! Зубочистка! — громко ругнулась Герцогиня, отчего в ушах зазвенело. Фалька снова дёрнулась, когда тварь накрыла её ладонями и, словно орешек, кинула в пасть, даже не жуя. Внезапно существо стало кашлять и задыхаться, хватаясь за горло и пытаясь протолкнуть свою закуску дальше. В этот момент Фалька упёрлась ногами в горло тварюги, воткнув свой меч в одну из стенок гортани и держась за рукоять двумя руками. Сталь медленно и мучительно разрывала плоть, выпуская золотую кровь, словно жирная тварь проглотила иголку и теперь осознала свою ошибку. Раздался громкий грохот, схожий со сходом лавины с косогора. Где-то вдалеке едва различим был крик боли, а после огромный и тяжёлый взрыв, который, казалось, только перевернул тушу, заставив Фальку полностью вымазаться в золотой крови Герцогини. Меч разорвал плоть, падая на землю. Из пореза появились руки Фальки, а после и сама девушка, наконец выбираясь из туши. Она повернулась к Герцогине, пнула её ногой от отвращения, окинула себя взглядом и стряхнула остатки слюней и крови с рук. Организм не выдержал. Впервые за столько лет нутро вышло наружу, скрючив своего обладателя пополам. «Ты помнишь про свой долг?» — всплыл в голове голос Ветоши — «Ты должна достать мне сердце Герцогини. И твой долг будет исполнен. Не задавай вопросов! Какая тебе разница, зачем оно мне?» — разговор стоял в ушах, снова напоминая о просьбе старухи. Лес начал шуметь кроной. На холодную почву падали листья. Тело пробила дрожь. Фалька взяла свой меч, набрала воздух в лёгкие и с силой вонзила его в плоть. Лезвие шло медленно, словно перо по мягкой бумаге. Золотая кровь окропляла землю. Руки с силой достали огромное червивое сердце. Ноги подкосились, едва держа равновесие, направляясь в сторону останков дома, которые кое-как просвечивались под деревьями. Над телом Герцогини нависла скрюченная тень. Фалька остановилась возле окна дома, глядя на место бойни через плечо. На земле, в золоте крови, с помощью железного пера она только что оставила явное письмо местному Господину: дальше в этой истории железным пером и алыми чернилами агнец перечеркнёт его историю. Пара тёмных золотых глаз смотрела из-за деревьев. Тело Господина скрутилось вдвое и исчезло в огненной листве. Фалька перекинула ногу через подоконник и, шатаясь, подошла к Коту.

Борода сидел на кухне в кресле, которое принесли из зала. На плите кипел чайник. В небольшой кастрюле грелся суп. За окном бушевал ветер. Фалька вытирала руки от крови свёкра. В раковине лежали иглы, которые удалось достать из мужчины. Кот сидел на табурете напротив, жуя сигарету, не убирая глаз от отца. Борода постарел. Некогда чёрные, как смола, волосы сейчас были припорошены пеплом.

— Так. Двигаться нам нельзя часа четыре. Думаю, Кутя за вами присмотрит. Потом, аккуратно, нужно будет перетащить вас на кровать, чтобы тело было горизонтально. Они знали, куда вбивали иглы, — Фалька кинула тряпку в рукомойник, снимая чайник с плиты — А теперь простите, я всё же пойду приму ванну. Сил моих больше нет, — сказала она, уходя в коридор. Кот поднялся, налил кипятка в чайник и поставил три чашки.

— Тогда на поле, — начал Борода, — я увидел его. Он не человек, Кот. Его тело словно скрючено, как будто его пожевали волки. Я увидел, как умирает твоя сестра. Они превратили её в овцу. Маленькую Чайку. Ей должно было исполниться десять через месяц, — мужчина сдерживал всхлип. — Я видел, как её душа уходит к нему. Он её сжирает. Я слышал, как она кричит и просит меня спасти её. А потом он принялся за твою мать... Старший крикнул мне, чтобы я убежал вместе с овцами. Я схватил Любовь на руки и побежал. Я не смог её спасти! Я не смог! — закричал он, подаваясь вперёд. Кот стоял спиной к отцу.

— Курить будешь? — спросил он, сжимая края столешницы, сдерживая в себе бурю. Горе стало горячим. Оно стало ненавистью — Как так получилось, что...

— Ночью, когда все спали, в окне я увидел Чайку. Она звала меня. Я открыл окно — и больше я ничего не помнил. Я проснулся в том доме, когда стоял в саду и увидел тебя и твою невесту среди толпы.

— Ты знаешь, что это такое? — он поставил куб с тавро перед Бородой. — Ты что-то слышал.

— Да. Она говорила о том, что полностью он сделает Господина богом.

— Он хочет пожрать мир, — Фалька зашла на кухню. — Чревоугодие. Он пытается искупить свой грех, пожирая невинных, — она нахмурилась, глядя на холодильник, из которого разносился тихий стук сердца Герцогини. — Нет, он хочет стать не богом, — глаза Фальки резко раскрылись. Перед ними пронеслась встреча с Господином в лесу. Его золото глаз пристально наблюдало за девушкой. — Он тоже агнец, — тихо сказала Фалька, глядя точно на Кота.

В комнате повисла тяжёлая тишина, которую едва-едва разрывало бульканье содержимого кастрюли на плите.

Ветошь смотрела на сердце перед собой. Черви наполняли желудочки, копошились в предсердиях, пытались прорваться сквозь толстые прозрачные стенки ткани. Фалька сидела за столом, одной рукой опираясь на колено, другая лежала на столе.

— Уплачено, что мне ещё сказать, — сказала женщина, беря его и убирая в пятилитровую банку.

— И всё? — Фалька вскинула бровь. — Зачем тебе это? Для чего?

— А всё тебе скажи, — Ветошь села перед Фалькой. — Надо — и всё. Я попросила тебя. Долг уплачен.

— Я думала, что будет что-то вроде «забрать первенца», «отдать самое ценное», — Фалька выпрямилась, закидывая ногу на ногу.

— Ага. Займу твоё место под венцом, как в старых сказках, — громко рассмеялась Ветошь. — Совет да любовь, — она выдохнула, глядя на сердце в банке. — Это сестра моя. Вернее, была сестрой. Ей хотелось любви и счастья, только вот не получалось найти его, пока она не встретила обаятельного мужчину. Он представился Графом. Дарил ей цветы, построил для неё дом, а после исчез. Она стала устраивать балы и вечера, чтобы закрыть дыру в сердце, а после... — Ветошь осеклась, перебирая пальцами небольшую вязаную салфетку. — Её «аппетит» рос. Каждый новый бал должен был переплюнуть предыдущий, и в конце это привело к тому, что привело. Куб, который вы нашли, может менять реальность, но если намерения не чисты, он меняет тело или искажает разум. За примером ходить далеко не нужно, — сказала старуха, указывая головой на сердце в банке. — Всё, что у неё осталось. Лишь оболочка некогда любящего и чуткого сердца.

Кот стоял возле подъезда, глядя на лес. На небе собирались тучи. Холод прошибал лёгкие. Мужчина закурил, поправляя шапку на голове, слегка прищуриваясь. На опушке леса стояло существо, по силуэту похожее на человека, только вот поза была слишком неестественной: голова дёргалась в разные стороны, рот странно открыт, колени словно вывернуты в другую сторону, руки перекручены. Казалось, что фигуру пропустили через мясорубку и попытались собрать по частям. Кот закурил, выпустил дым, беря Фальку за предплечье, когда она вышла из подъезда.

— Смотри, — указал он головой на Хозяина «Рыжего леса».

— Вижу, — сказала Фалька, направляясь в сторону фигуры. Кот пошёл за ней. Рот Господина открылся во всю длину, оголяя жёлтые зубы. Из пустого глаза текла чёрная вязкая кровь, словно чернила. Он дёргался из стороны в сторону, поднял руку, выкручивая плечо. Второй глаз бегал в разные стороны, а после сфокусировался на Фальке и Коте. Раздался громкий вопль.

— Вы, — хрипел Господин, — убили мою семью. Забрали мою вещь, — голос его был смешан из крика боли, стонов, хрипов, бульканья, больше похож на скрип дерева, нежели на человеческий разговор. — Отдай мне свои глаза, сестра, — он указал на Фальку. Медовый единственный глаз смотрел точно на девушку, которая лишь сложила руки. На её плечо села синяя бабочка.

— Ты предал землю, брат. Мать отреклась от тебя, — она вскинула голову. — Ты убивал невинных. Ты убил своего брата. Предал слово матери. Предательство — это смерть.

— А тыыыы? — Господин навис над Фалькой, глядя точно ей в глаза.

— А моё наказание ещё придёт, — сказала девушка, задрав голову, чтобы посмотреть в искореженное лицо. — А твоё станет моя рука, брат.

Скрюченный потянул руку к лицу Фальки. Раздался громкий крик, похожий на скрежет стекла. Воздух вокруг замерцал, наполняясь чернильной кровью. Фалька не двигалась. Золото глаз стало раскалённой сталью, которая наполнялась отвращением и должна была в скором времени начать выжигать чернильную кровь. Руки существа взметнулись вверх. Кот попытался ударить мечом, но тварь убежала глубоко в лес. Фалька закрыла глаза, садясь на корточки. Чёрная кровь окропила землю. Девушка выдохнула, закрывая глаза. На голове появился терновый венец, впиваясь в кожу. Боль от него уже не чувствовалась — только неприятное покалывание.

— Я пойду с вами, — сказала Ветошь, глядя на Фальку. Девушка же взяла из рук Кота куб и отрицательно покачала головой.

— Это семейные разборки. Если что-то пойдёт не так, — сказала она, глядя на Кота.

— Кинь «весточку», я сразу прибегу, — он крепко обнял Фальку, припадая к её губам, не желая сразу отпустить.

Лес был густой. Лес гудел. Лес молил вырезать опухоль, которая жила в нём. Фалька шла медленно. Под ногами хрустнула ветка. Звук раздался по округе, но ничего не случилось. Девушка положила руку на одну из граней, поворачивая её, отчего пространство вокруг стало ещё темнее, а между деревьями стали появляться тела людей, которые некогда попали в этот лес или были затянуты Господином.

— Так вот ты что творишь, — сказала девушка в сторону куба, убрав его за пазуху, под кафтан, в котором была. Недалеко, над ухом раздался скрежет, смешанный с воём. Она повернула голову, отвернувшись от одного из оживших тел. В кронах деревьев солнце стало красным, а сам лес казался уже чёрным и непроходимым.

— Отдаааай, — снова раздался голос Господина, — свои глаза! Отдай своё сердце!

Фалька достала меч, разрубив одно из пустых тел, которое набросилось на неё. Это были лишь оболочки жертв. Людей там давно не было. Тела были так же сломаны, как и Скрюченный. Обезображенные лица с застывшей гримасой ужаса, вытянутые рты, пустые глаза. Фалька рубила тварей, пока лезвие не скрестилось с другой сталью. Глаза её расширились, ибо перед

ней было лицо Кота. Глазницы были пусты, а руки держали меч. Удар «Кота» пришёлся по груди, по месту, где стоял куб. Ещё одна грань повернулась, вызвав боль в боку, ибо угол впился в плоть. Кровь проступила поверх одеяния. Девушка тяжело задышала, сжимая меч в ладони и беря его двумя руками. Завязался бой. Существо с лицом Кота словно изучило его до того, как появиться перед Фалькой. Каждая его особенность, движения, выверенность удара и даже факт постоянного приземления на ноги. Удар твари пришёлся по плечу, вызвав стон боли из груди Фальки. Она оскалилась, оголив клыки. Очередной удар ногой от «Кота» — отлёт в дерево. Вены возле шеи неожиданно почернели, а глаза засветились. Оскал на лице Фальки стал звериным, волчьим. Из-под земли вылезли руки, стянув с девушки сапоги, оголив костяные ноги под штанами. Из-под земли быстро пророс выюнок, оплетая руку с ятаганом. Мать здесь. Мать помогает. Мать не оставила своё дитя. Фалька встала на ноги, глядя, как «Кот» крутит саблю перед собой. Он замахнулся для удара, но ятаган девушки достиг груди копией быстрее. Существо «Кот» начало рассыпаться, превращаясь в труху и пыль, на земле оставаясь чернильным пятном. Фалька тяжело дышала, падая на колени, держась за плечо. За её спиной появился Господин, громко крича и снова нависая над ней. Девушка вытянула руку над головой, сжимая зубы от боли, и выстрелила в воздух, отправляя «весточку». Свет озарил лицо Скрюченного, отчего он снова убежал в лес.

Кот стоял возле «Замка». Он смотрел на лес, откуда поднимался оранжевый огонёк, рассыпавшийся в сером небе. Мужчина прыгнул на коня и помчался в сторону леса. Лесная тьма гудела над головой. Она стонала от боли: когда рану прижигают железом — терпеть крайне тяжело. Конь упал среди деревьев, уже не в силах бежать. Кот кувыркнулся по земле и встал на ноги.

— Фалька! — громко крикнул он, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте.

— Котик, — раздался голос за его спиной, слегка побулькивая Холодная рука упала ему на плечо.

— Ты пришёл меня спасти? — снова раздался голос Фальки. Кот выхватил саблю и повернулся, замечая, как оболочка, пытающаяся принять образ Фальки, заносит нож. Он уклонился, разрубая тварь пополам. Резкий разворот — и меч соприкоснулся с другим. Фалька смотрела на мужчину, который лишь усмехнулся.

— Привет, — Кот убрал меч, ловя девушку, которая держалась из последних сил.

— Привет, — повторила она, опираясь на его плечо. Кот открыл рот, чтобы что-то сказать, но резко оттолкнул Фальку, закрывая грудью очередной удар ножа в руках Господина. Вокруг раны быстро собралось пятно, как только Господин исчез.

— Кот! — Фалька подлетела к нему, но он достал флягу, из которой вылилось вино. Девушка легко ударила его в плечо.

— Девять жизней. Помнишь? — сказал мужчина тихо, усмехнувшись и сжав рукоять своей сабли. Фалька достала куб, который прожигал плоть, оставляя очередной ожог на теле.

— Отдавай! — громко раздался скрип Господина.

— Хочешь?! Получи! — закричала девушка, снова проворачивая куб полностью. Лес начал гудеть и стонать. Яркая вспышка света озарила крону деревьев, окутывая всё вокруг. Листья засыпали чернильную кровавую землю, оставляя редкие деревья голыми. С неба начал падать снег.

Цикл 1: Овцы не смотрят на запад. Неделя 7: Янтарное солнце над изумрудным полем

Большие хлопья падали с неба. Стоп. Снега ли? Фалька прищурилась, поднимаясь с мёртвой земли. Нет, не снега - пепла. Поле боя. Мёртвое. Сеча никогда не бывает пустой. Даже когда противник отходит, товарищи ищут своих братьев. Она обернулась, замечая Кота, который сидел на пне, подкидывая в него палки. Он повернулся к Фальке. Зелёные глаза были наполнены усталостью. Он вымотан.

— Мы проиграли, — сказал он. — Мы последние выжившие.

Фалька нахмурилась. Что-то было не так в её возлюбленном. Что-то не то читалось в глазах. Девушка поднялась с холодной земли, сделала шаг. Она открыла рот, чтобы издать звук, но кашель пробил горло, перекручивая внутренности. Всё вокруг кричало: «Что-то не так! Что-то совсем не так!» Она повернулась, замечая среди павших лошадей, искалеченных тел солдат в железных доспехах, брошенных щитов, мечей, сабель силуэт Скрюченного, который сразу же исчез из поля зрения. Девушка слегка прищурилась, поворачиваясь к Коту. Он сидел в доспехах, хотя никогда не надел бы их, рядом стоял меч вместо любимой сабли. Фалька окинула себя взглядом, понимая, что и её кафтан — это довольно тяжёлый и громоздкий доспех, который она в жизни бы не надела. Ни маневренности, ни свободы движений. На перчатке красовался узор розы, который никогда не был символом её Величества. На нашивках всегда красовалась паучья лилия или голова быка, но не роза. Такой символ прочно отложился в голове Фальки как символ предателя — некогда приближённого инквизитора, который устроил гражданскую войну. Человека, который оставил шрам на теле Фальки от ключицы и до левой стороны подбородка. Девушка медленно достала меч, делая шаг к Коту. Она ударила его по плечу, отчего он непонимающе повернулся к ней.

— Ты головой ударилась? Нам нужно выбирать, пока не пришли, — он замолк, глядя в холодные глаза Фальки. Девушка замахнулась мечом, но удар остановила сабля настоящего Кота.

У человека должна быть одна жизнь. А что, если у тебя их девять? Родился, чуть не сгорел в бане деда - выжил. В пять лет с пацанами пошёл в степь ловить трабоганчиков, наткнулся на минную руну ещё с древней войны - выжил и без царапин. Пошёл в армию, попал в окружение - вышел только с раной на бедре. В гражданскую войну вёл отряд, словил пулю, но она попала в медаль на груди. Напился, подрался с кем-то, а на утро узнал, что завалил одного из шпионов врага. Стал командиром полка под командованием одного из самых опасных и жестоких инквизиторов - не просто выжил, а каким-то образом попал в сердце, и вот-вот она должна была стать женой. Хотел сыграть свадьбу по всем обычаям, по родным правилам, а тут отпуск пошёл далеко и надолго со всеми проблемами. Единственный раз, когда не повезло, за все двадцать восемь лет. Кот поднялся в холодном поту. На нём была простая рубашка, странная на ощупь. Хлопок или что-то около того. Фалька сидела за туалетным столиком и расчёсывала волосы.

— Проснулся? — тихо спросила она, поворачиваясь к нему всем телом. Кот нахмурился, замечая в отражении зеркала большое окно, за которым на миг появились очертания Скрюченного. Девушка за столом усмехнулась, пока Кот подлетал к оконной раме, продолжая расчёсывать волосы. Мужчина повернулся к ней, сделал шаг, вскидывая голову. Странными были две вещи. Большой дом, который и близко не походил на маленькую государственную квартиру, где жил он с Фалькой и ещё несколько человек, да и то, что она сидела в платье и спокойно управлялась с расчёской. Её слегка кудрявые волосы были ещё тем испытанием для девушки

каждое утро, и даже пару раз Кот лично доставал из них расчёску, которая оказывалась победителем в сражении за нормальную причёску.

— Уууу, — протянула девушка, глядя на мужчину через зеркало. — Видно, знатно вчера ты перепил. Всё в порядке? Ты какой-то не такой.

Кот подошёл к стене, где висела его сабля. Он потянулся к ней, аккуратно беря. Никогда он не повесит её на стену. Она — продолжение его руки, часть организма. Он достал саблю из ножен, когда «Фалька» поднялась с места и подошла к шкафу.

— Нас ждёт Артист. Давай не сходи с ума. Ты же знаешь, что я против этих твоих игр. Хватит предаваться воспоминаниям, — девушка повернулась к нему, ставя руки на бока. Глаза. В них нет золота. Нет того лёгкого безумия и холодного огня. Они даже не золотые, а просто каре-жёлтые. Кот сделал шаг, глядя на туалетный столик.

— Ты хоть что-нибудь скажешь? — сказала девушка, снова отворачиваясь. — Бесишь, ей-богу! Голос пропал?! — завелась она.

Кот открыл дверцу шкафа. Что-то из неё шептало, звало, кричало. Он протянул руку и достал куб, у которого были открыты все грани. Они летали вокруг небольшой сердцевины. Кот положил саблю на стол, взял сердце артефакта пальцами. Тёплый маленький камешек грел пальцы. Стало как-то холодно вокруг. С потолка начал падать снег. Фалька замерла, глядя на Кота.

— Отдай, — сказала она булькающим голосом. — И хватит молчать!

Кот сжал камень в ладони, отчего грани куба, которые летали вокруг руки, упали на пол. Без грохота, как будто упали на листья или что-то около того. Он дёрнул бровью, слегка отводя голову в сторону, не спуская глаз с кого-то перед собой, медленно возвращая саблю в руку. Вот он. Последний взгляд. Он с Фалькой научился общаться без слов. Иногда взгляда хватало, чтобы понять, что будет на ужин, как прошёл день. Мастерство выдерживания пауз, которое они оба освоили как в работе, так и в быту. Они ругались, мирились, редко вслух — чаще молча. За время секундного взгляда мог произойти долгий и тяжёлый разговор. За время долгого молчания протекали непринуждённые беседы о всякой ерунде. Некто кинулся на него. Кот замахнулся саблей, но лезвие встретилось с ятаганом настоящей Фальки. Комната сменилась небольшой поляной посреди почти заснувшего леса. Под ногами лежала опавшая листва. Девушка оскалилась, сжала зубы. Глаза вспыхнули, но столкнулись с изумрудом любимых глаз в сантиметре от острой стали. Она убрала руку с мечом вниз, прокрутила, увела за спину. Кот расправил плечи, так же провернул саблю в руке, выставил её перед собой, лезвием к своему лицу. Фалька опустила оружие и крепко обняла мужа. Кот показал девушке сердце куба. В глубине чащи раздался громкий вопль, отчего мужчина сжал камень до крови. Господин нёсся на них. Тело дёргалось, мандражно, ломалось на ходу, дрожало, металось из стороны в сторону. Рот открылся ещё сильнее, внутри всё булькало, вопило. Руки ломали ветки, ломались кости в самих конечностях, а туша твари сбила с ног Кота, хватая Фальку за горло. Быстро и точно. Мужчина побежал за тварью, которая, к счастью, пропустила его, сжимая ладонь. Камень прочно вошёл в плоть, становясь с рукой одним целым. Сильная боль окутала тело.

— Смертный! — раздался голос Матери в голове у Кота. — Я знаю, кто ты! — он замер. Перед Котом возник образ Матери. Она протянула ему венец, почти такой же, как у Фальки, но без шипов, и надела ему на голову.

— Я даю тебе часть той силы, что вечно хочет зла, но ты должен использовать её во благо! — рыкнула Волчья голова.

— Ты — длань агнца! — проблеяла Овечья голова.

— Я благословляю ваш союз! — сказала женское лицо. Мать исчезла так же быстро, как и появилась. Боль ушла.

Скрюченный сильно сжал горло, пытаясь добраться до янтарных глаз. Руки его были холодными, пахли смертью и болью. Фалька дёргалась, пытаясь поймать воздух ртом, но из

горла вырывалась только бабочка. Синяя бабочка. Присутствие Матери. Неожиданно Господин леса перевёл свой единственный глаз на неё, что дало возможность упереться ногами ему в грудь. Девушка зарычала, схватила двумя руками перекрученное запястье, повисла на нём, снова заставляя тварь обратить на себя внимание. Рука схватила за голову, но Фалька укусила его кисть, откусив кусок гниющей плоти, и упала на землю. Она быстро поднялась, схватила саблю, наконец вдыхая полной грудью, выплёвывая часть кисти руки твари. Вкус железа и горечи отпечатался на языке. Жёлтые глаза начали светиться в темноте леса. Девушка ходила аккуратно, как волк, кружа вокруг добычи. Движения плавные, выверенные. Скрюченный же дёргался, вопил, ломался. За вывернутым плечом Господина сверкнули изумрудные глаза. Она резко ушла вниз, когда Скрюченный начал громко кричать, открывая пасть во всю ширь. Его жёлтые гниющие зубы оказались в сантиметрах от Фальки, когда голова резко упала на землю. Кот тяжело дышал, сжимая свою саблю. У котов девять жизней. А ещё им всегда везёт. На его ладони появилась печать Матери, что вызвало лёгкую улыбку на лице девушки. Знакомство с родителем было успешным. Кот протянул руку Фальке.

Сильный ветер сорвал последние листья с деревьев. Снег усилился. Фальку и Кота окружили силуэты людей. Души, которые кормили ненасытную тварь своими страданиями. Мать и Чайка смотрели на пару. Женщина улыбалась. Девочка махала рукой старшему брату. Она подошла к Коту и Фальке, взяла их за руки, повернула ладони к небу, кладя два кольца. Одно — медовое, янтарное. Второе — зелёное, изумрудное. Лес облегчённо выдохнул в ветер, сбрасывая последнюю листву. Души смотрели на тело и голову Господина. Оно всё ещё было живо, всё ещё хватало ртом воздух, пытаясь издать хоть звук. Из-под земли вырвались костяные руки. Души скопились вокруг сгнивающих останков, забирая его с собой туда, откуда он никогда больше не выберется.

— Мать моя была женщиной, — говорил Рюмка, глядя на стадо овец, среди которых овец, в принципе, уже и не было. Только пять голов осталось. Обращённые назад люди испуганно смотрели на жителей «Замка». Один был из «Пустоши» — пропал месяц назад. Второй — мальчик лет тринадцати, сосед с пятого этажа. Вот другой сосед, который живёт в сарае. Вот мать Рыжего, которая так и не вернулась после кровавой ярмарки, сейчас стояла и обнимала сына. Кухарка душила своего давно пропавшего мужа. Борода стоял на пороге, ища только два лица со стороны леса, который теперь спал, наевшись страданиями досыта. Яркое солнце взошло над степью, отчего снег начал таять. Со стороны леса, слегка прихрамывая, едва волоча ноги, шли Фалька и Кот.

— Идут! — заорал Кутя, прыгая вокруг отца, который медленно пошёл к сыну и его невесте.

— Вот такая вот ерунда, собачка, — выдал Рюмка бедному проводнику поезда, который уже еле терпел перегар мужчины. Кутя обнимал Кота и Фальку, слегка похныкивая.

— Я! Я обязательно пойду по твоим стопам! Обязательно! — он отпустил Кота после третьего гудка поезда.

— Голова не болит? — засмеялся Борода, глядя на старшего сына.

— Нет, не болит, — сказал Кот. — Жалко, что только отпуск весь прошёл. Думал, гулять будем всё это время, а по итогу, день? Половину?

— Так всегда и бывает, — подхватила разговор Фалька. — Ну, зато есть плюс: Пуля выбил нам завтра отгул, так что можно будет хоть немного выдохнуть. Минус — половина уйдёт на дорогу до столицы. Правда, мне нужно будет по приезду явиться в штаб. Какая-то проблема возникла при дворе. То ли снова Теневые распоясались, то ли Крысолов объявился. Ой, — она поморщилась, когда Рюмка протянул две стопки водки. — Я правда больше не могу. Я еле встала.

— Ты, мать, не трынди. Вчера с горла хлестала горелку! Многие мужики так её не пьют, как ты! — закричал Рюмка.

— Отстань от них, алкаш старый, — влезла Кухарка, ударяя его по затылку половником. — Вот вам пирожки. Вот тут мясо, тут яйца. В общем, всего понемногу, — она протянула корзину молодожёнам.

— Вы, господа, не собираетесь ехать-с? — сказал недовольный проводник. Кот кивнул, запрыгивая в поезд, помогая зайти и Фальке. Машина начала движение, пыхтя и выпуская пар.

— Горька! Горька! Горька! — начал скандировать Рюмка, что подхватили остальные жители «Замка», кто пришёл проводить пару. Кот посмотрел на Фальку, взял её за руку. На безымянных пальцах сверкали полученные от Чайки кольца. Губы сомкнулись в поцелуе.

Поезд пронёсся мимо спящего леса. На опушке, среди деревьев, стояла Ветошь, держа в руках банку с сердцем сестры. Она смотрела на неё, а после усмехнулась, закрывая один глаз, когда поезд уже едва-едва был виден вдали. К ней подошла чёрная овца. Старуха погладила её по голове, провожая поезд единственным медово-янтарным глазом.